

С. ВИНОГРАДСКАЯ

ИСКОРКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Q

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

С. В И Н О Г Р А Д С К А Я

И С К О Р К А

РА С С К А З Ы
О
В. И. Л Е Н И Н Е

Рисунки И. Ильинского

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1971

МОЙ ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В этой книге ты прочитаешь о Владимире Ильиче Ленине и его сестре Марии Ильиничне Ульяновой.

Рассказы познакомят тебя с молодой Сашей, работавшей в редакции газеты «Правда». На этих страницах тебе повстречаются мальчики Володя и Слава, которых знал Ленин; шофер Гиль, возивший Ильича в старом черном высоком «роллс-ройсе»; врачи, лечившие раненого Ленина; замечательные большевики, окружавшие вождя партии.

Эти рассказы не выдуманы. Все это было в действительности. Я это видела, знала, пережила лично много лет назад.

Первые годы революции — это пора моей ранней юности. Она была трудной, но счастливой. В шестнадцать лет, когда пожар гражданской войны охватил уже всю Россию, я бежала от белых в Москву и начала работать в «Правде».

Секретарем редакции была Мария Ильинична Ульянова. Много лет работала рядом с нею, в одном кабинете. Там был кремлевский телефон, соединявший с Лениным. Там и услыхала я впервые голос Ленина, там впервые я разговаривала с Ильичем и впервые выполняла его поручение.

О том, как все это происходило, что я тогда переживала, и написан рассказ «Комплект «Правды», которым открывается эта книжка.

Счастье юности моей в том, что Ленина и тех, кто окружал его, я узнала не по рассказам и чужим книгам, а видела сама. И притом много раз: на митингах и съездах, в театре и концертах, в Кремле и Горках, на отдыхе и прогулке.

В моих рассказах я пишу об этом так, чтобы Ленин вставал со страниц таким, каким видели его я и мое поколение.

Я старалась, чтобы в этих рассказах образ Ильича — и лицо, и одежда, и речи, и отношения с товарищами, и естественность, и простота обращения с сотрудниками, и домашняя жизнь, и чувство прекрасного, и ненависть к пошлости, — чтобы все это удивляло и восхищало тебя, мой юный читатель, как некогда восхищало нас, молодежь.

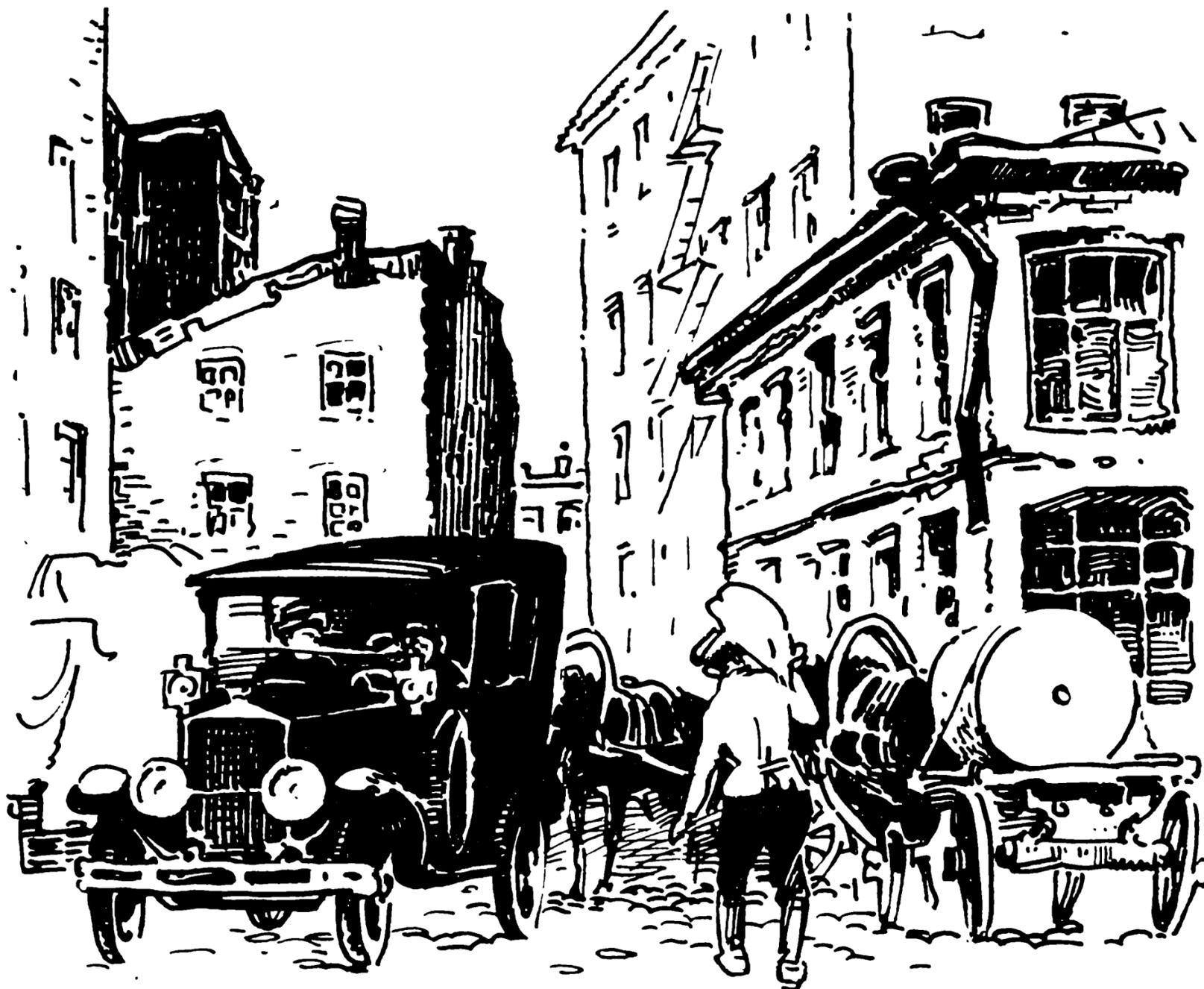
В рассказах «Рассыльный «Бедноты», «Искорка», «Пациент» ты узнаешь о сотрудниках ленинского секретариата — Марии Лебедевой, Марии Гляссер, Ане Кизас. Я жила с ними рядом. Это мои друзья. Герой рассказа «Слава» — мой знакомый мальчик. История его маленькой жизни восхитила даже Ленина. А рассыльный Володя действительно пришел к Ленину с письмами...

Все, о ком рассказано здесь, жили в мое время. Владимира Ильича Ленина и тех, кто был рядом с ним, я описала так, как они запали мне в душу.

Написала памятью моего сердца. Это особая память, она сильнее всего на свете и ничего забыть не может.

Прими же, мой дорогой читатель, эту книжку о Ленине — память моего сердца.

Софья Виноградская

КОМПЛЕКТ „ПРАВДЫ“

Ровно в четыре в дверях секретариата «Правды» появлялся ленинский шофер Гиль, одетый с головы до ног в черную сверкающую кожу, как рыцарь в латы. Лицом и фигурой Гиль был подобен русскому богатырю Добрыне Никитичу — голубоглаз, розовощек, круглолиц, волосом светел, улыбкой добр, летами немолод, телом крепок, духом бодр.

Как и полагалось в первые годы революции, все на Гиле было кожаное — фуражка, куртка, брюки, сапоги, перчатки с раструбами. Так одевались шоферы гаража Совнаркома и знаменитые самокатчики — первые фельдъегери революции, лично доставлявшие на мотоциклах правительственные пакеты. Так одевались начальники героических продотрядов, добывавшие хлеб пролетарскому городу. Так одевались легендарные комиссары, чскисты, рабочие железнодорожных мастерских, депутаты Советов. Так одевался первый Председатель ВЦИК Свердлов.

Славная, несменяемая боевая кожанка! Милая большевистскому сердцу и глазу черная тужурка! Она была неписаной формой, своего рода мундиром первых лет пролетарской революции.

После 30 августа 1918 года, когда враги стреляли в Ленина, когда Гиль поднял с мостовой раненого Ильича и умчал в Кремль, фигура ленинского шофера в черном кожаном неизменно связывалась с его мужественным поведением в роковую минуту во дворе завода Михельсона.

Когда Ленин оправился от ран, шофер снова возил его в старомодном высоком черном «роллс-ройсе», который скорее напоминал гоголевских времен тарантас, нежели современную автомашину. В этом автомобиле ездили на работу также Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Днем Гиль возил их домой обедать.

В «Правде», где работала Мария Ильинична, младшая любимая сестра Ильича, Гиль появлялся ровно в четыре. Он останавливался у порога кабинета и тихо кивал головой: мол, явился, жду. Встретив ответный кивок Марии Ильиничны, шофер, так же тихо прикрыв стеклянную дверь, безмолвно удалялся большими, грузными, медвежьими шагами.

Мария Ильинична вскакивала из-за стола, поспешно записывала в свой изрядно помятый портфельчик письма и заметки рабочих.

— Возьму с собою, почитаю после обеда Ильичу, пока отдыхает, — говорила она и начинала одеваться.

Натягивала короткую, уже тесноватую суконную черную шубку со старенькой скунсовой горжеткой, меховую шапочку

с круглым валиком, придававшим такую строгую солидность еще сравнительно молодому лицу секретаря редакции «Правды». Затем застегивала фетровые с меховой опушкой боты на пуговицах. Сунув под мышку портфельчик с самым драгоценным грузом — заметками рабочих — и подхватив муфту, Мария Ильинична уходила из кабинета легким плывущим шагом. Дойдя до двери, она неизменно останавливалась, поворачивалась спиной к матовым стеклам, лицом к кабинету и давала Саше последние наставления.

Саше, единственной в то время помощнице Марии Ильиничны, было шестнадцать лет. Сотрудников в «Правде» было совсем мало: все силы партии находились на фронтах. Мария Ильинична работала секретарем. Саша, худая, с бледным лицом, каштановыми косами, уложенными вокруг ушей, казалась еще девочкой.

Уезжая обедать, Мария Ильинична неизменно повторяла: — Маленькая, значит, мы никуда не уходим, пока я не вернусь. И мы сами отвечаем по всем телефонам. Особенно по этому. — Мария Ильинична указывала пальцем вверх, в тот угол, где стоял стол Саши — светлого дуба, шведский, с опускающейся гофрированной крышкой.

Позади стола, над Сашиным вращающимся креслом, висел маленький плоский металлический ящичек с трубкой на рычажке сбоку. Это был телефон «верхнего» коммутатора Кремля. Он был связан с квартирой и кабинетом Ленина. По этому телефону соединяли с Лениным. Там, в Кремле, в кабинете Ленина, тоже позади его кресла, висел такой же аппаратик. По этому телефону звонил в «Правду» Ленин. Весь Кремль был соединен с Москвой «нижним» коммутатором. С Лениным соединял «верхний».

О «верхнем» говорили, что это такой совершенный коммутатор, такой надежный, что даже английская разведка не может подслушать разговоры.

Итак, к четырем часам Мария Ильинична исчезала. Вслед за нею уходили почти все сотрудники. До шести часов Саша оставалась в кабинете одна, «маленькой хозяйкой секретариата», как подшучивали в редакции.

Она знала, с четырех до шести семья Ленина обедает, чи-

тает, отдыхает. Семья Ленина: Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична. Распорядок дня Ленин соблюдает очень точно. Около четырех он иногда звонит сестре сам, и Саше с ее места слышно, как в трубке «верхнего» спрашивают:

— Не задержишься, Маняша?

А Мария Ильинична отвечает брату:

— Нет, не задержусь, Володечка.

— Отлично. Надя тоже будет вовремя. Гиль уже посхал за нею.

Иногда перед обедом Мария Ильинична сама звонит по «верхнему»: «Что-то я сегодня подозреваю Надю...» — и спрашивается: поехал Гиль за Крупской? Услышав — как она и подозревала, — что Надежда Константиновна задерживается на работе и к обеду не приедет, Мария Ильинична начинала нетерпеливо стучать рычажком, затем требовала у телефонистки:

— Срочно соедините с Надеждой Константиновной!

У Надежды Константиновны в кабинете тоже телефон «верхнего» коммутатора. Но сейчас у трубки не Крупская, а ее секретарь, молодая Верочка Дридзо. Она отвечает, что Надежды Константиновны нет в Главполитпросвете, она в Наркомпросе, на совещании, очень занята, просила обедать без нее. . .

Все более волнуясь, Мария Ильинична настаивала:

— Я прошу ее немедленно позвонить мне. Как бы ни была занята. Я жду ее звонка. Непременно! — И, уже повесив трубку, Мария Ильинична все возмущалась, бегая по кабинету: — Ведь Надя сегодня совсем больна. Ей и вовсе нельзя работать. А мы, извольте, даже обедать не едем. Ведь больна!

Наконец все улажено, Надежда Константиновна обещала быть к обеду. Гиль уже кивнул с порога головой, Мария Ильинична уезжает.

Это повторялось каждый день. Так было и тогда, когда произошло одно событие, которое Саша запомнила на всю жизнь.

Сам Ленин звонил в «Правду» по разным делам нередко.

Но обычно с ним разговаривала Мария Ильинична. Случалось, Мария Ильинична уже уедет, а Ильич справляется по телефону, выехала ли.

— Да, уехала, минуточку назад. Да, прямо домой, обедать.

— А, чудесно! — скажет Ленин. И все.

В тот памятный день Мария Ильинична уже уехала, но не прямо в Кремль.

— Еду, маленькая, тайком от Нади получить по ордеру кое-что для нее. Она совсем у меня обносилась. Бог весть в чем ходит, мерзнет. Сначала заеду в магазин, там недолго, а уж оттуда обедать. . .

Мария Ильинична вышла из кабинета, а Саша послала весь просмотренный материал в набор. Когда курьерша Поля уже ушла в типографию, Саша вспомнила про утренний набор — надо затребовать гранки в редакцию. Бывшая сытинская типография помещалась напротив редакции в том же дворе на старой Тверской. Саша высунула голову в форточку и стала поджидать, пока Поля выйдет из подъезда, тогда можно будет крикнуть ей о гранках. Но едва синяя куртка Поли мелькнула во дворе, как над Сашиним креслом зазвонил телефон — тот самый, «верхнего» коммутатора Кремля. Саша бросилась от окна к телефону, рванула трубку с рычажка. В трубке был голос Ленина.

«Быстрый и круглый» — так определила Саша этот голос. Ленин говорил быстро, но не отрывисто, не резко. Голос катился, как хорошо обточенный шар. Может быть, отсутствие рокошущего «р» придавало ему эту обточенность. Это было ее, Сашино, ощущение ленинского голоса, и это ощущение было связано с представлением о том, что этот круглый голос исходит от большого, доброго человека. Услышав в трубке ленинский голос, Саша уже заранее знала, что за этим последует. Ленин спросит: «А Марии Ильиничны нет?» И Саша ответит: «Она уехала семь минут тому назад».

Саша всегда хорошо запоминала время ее отъезда, чтобы Ленину, если он спросит, ответить точно. Потому что от Марии Ильиничны Саша не раз слышала: «Ильич уважает человека, который в работе точен. . . Владимир Ильич не терпит, когда что-нибудь не точно. . . Он очень любит точность. . .»

И Саша отвечала Ленину очень точно и коротко, хотя и волновалась при этом. Так бывало обычно. Но в этот день все произошло иначе.

— Это говорит Ленин, — быстро и кругло прокатилось в трубке. — Кто у телефона?

— Вешнева, — ответила Саша.

— Саша, да? — услыхала она неожиданно.

И от этой неожиданности, что Ленин знает, оказывается, ее имя и даже назвал по имени, Саша смутилась.

— Да, Саша. . . — неуверенно произнесла она и насторожилась.

— Вот и отлично! — продолжал все тот же быстрый, круглый, катящийся ленинский голос. — Прошу вас, Саша, посмотрите в «Правде», когда печаталась статья о Суханове?

Саша мысленно пробежала расстояние, отделяющее ее стол от того маленького стола с нижней полочкой, на котором лежали комплекты «Правды». Нет, совершенно невозможно держать в руке телефонную трубку и заглянуть в комплект. До него не дотянуться! Но ведь невозможно выпустить из руки, оторвать от уха, положить на стол трубку, в которой голос Ленина. Что тут делать?

— Владимир Ильич, я просмотрю комплект и сейчас же позвоню вам, — нашлась Саша, радуясь своей находчивости и решимости.

— Нет. Я подожду у телефона, — сказал Ленин.

«Он не будет ждать тут, пока я буду перелистывать газеты там. . .» — это положение Саша ощутила как бедствие. Ведь кто знает, сколько это продлится? Лучше попросить его положить трубку. Так и сказать: «Прошу вас, очень прошу вас, Владимир Ильич, не ждать, пока я. . .» Но ведь он уже сказал: «Я подожду» — так нечего тут много разговаривать. Быстро, как только несут тебя ноги, мчи туда, к столику с комплектами, и принимайся за дело.

Прежде чем Саша успела все это подумать, она уже проговорила в трубку:

— Простите, Владимир Ильич, но мне придется отойти от телефона, чтобы посмотреть. . .

— Да, да! Пожалуйста. Я подожду, — услышала Саша и вмиг очутилась у столика в другом конце кабинета.

Она откинула огромный картонный переплет годового комплекта «Правды» и стала перелистывать номера, силясь припомнить, в каком же месяце писали об этом меньшевике Суханове и его книге. А трубка, в которой был голос Ленина, осталась там, на Сашинем столе...

Как разбух комплект! Кажется, еще так недавно подшивка была совсем тощей. Листать, можно сказать, было нечего. А теперь вот как раз, когда Ленину нужна справка, комплект сразу потолстел. Пока все это просмотришь...

Так размышляла Саша, порывисто перелистывая номер за номером.

«Правда» девятнадцатого года! Гигантские буквы заголовка. Огромные газетные листы. Казалось, они вобрали в себя огонь великих идей и грохот сражений. Номера, напечатанные убористым шрифтом на серой бумаге, лишенные всяких украшений. Газета 1919 года не знала ни фото, ни карикатур. Все это появилось позже. Бумага, на которой печаталась тогда «Правда», была «голодной», как и народ, который ее читал. Она быстро желтела. Шрифт был стертым, слепым. Краска плохо просыхала, она смазывала текст. Стальные строчки набора походили на искалеченные суставы. Старые линоtypes и ротационки, славные типографские машины, служили прессе революции с героизмом раненых, не покидающих поля битвы.

Первые фотографии появились в газете после долгого перерыва лишь поздней осенью. Это были снимки товарищей, погибших при взрыве в Московском Комитете партии. Погибшие взошли на бессмертные страницы «Правды» и сошли в великую могилу героев революции у кремлевской стены.

Пока Ленин ждал у телефона, Саша перелистывала эти огромные, негибкие, хрупкие, подслеповатые номера газет, напечатанные то на желтой, то на серой бумаге.

Саша почему-то «запомнила глазом», что статья о Суханове была напечатана «подвалом», то есть была помещена в нижней части газетной полосы. Поэтому она просматривала только нижнюю часть и листала номер очень быстро.

«Смотреть нужно только вторые и третьи полосы», — соображала она. Потому что «подвалы» были только внутри. Остальное, значит, можно не смотреть, просто пропускать. Тогда дело пойдет быстро, и Владимир Ильич не век будет ждать у телефона. Но нет, так не годится! Надо все же обязательно смотреть и первую страницу, чтобы проверить номер и число. Ведь в понедельник и после праздников «Правда» не выходит. А вдруг случилось так, что какой-то номер не подшит, не попал в переплет, вырван? Мало ли что бывает! Ага! Подвал! Но это не о Суханове. Это статья о том, что дома буржуазии передают не рабочим, не детдомам, а каким-то канцеляриям!

Саша порывисто переворачивала страницы — но нет подвала! А может быть, Ленин уже не ждет? Саша побежала к телефону. Осторожно, чтобы не задеть шнур, она приложила ухо к трубке, лежавшей на столе, и вслушалась — он там? Да, ждет! Слышно его дыхание. Саша побежала обратно и опять стала перелистывать номера газет. Пока сверяла номер и число на первой странице, она невольно успевала «схватить глазом» то заголовок, то лозунг, то шапку.

Шапки «Правды»! Огненные, опаляющие сердце призывы бурных лет революции. Эти «шапки» печатали на первой странице сверху, во всю ширь газетного номера:

*СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!
К ОРУЖИЮ! К БИТВАМ! К ПОБЕДЕ!*

Вот шапка «Правды» в весну кровавого сражения с диктатором Сибири:

*КОЛЧАК НАСТУПАЕТ НА ВОЛГУ,
РЕВОЛЮЦИИ ГРОЗИТ НОВЫЙ СТРАШНЫЙ УДАР.*

Шуршит газетный лист под Сашиними руками. Опять отчаянная схватка революции с контрреволюцией:

*БЕЛАЯ ГВАРДИЯ ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ.
РАБОЧИЕ, СРУБИТЕ ЭТУ ГОЛОВУ!*

Саша все ищет, ищет нужную Ленину статью. Где же о Суханове? Суханов! Меньшевик. Такое бледное, вытянутое, ло-

шадиное лицо. На носу очки в золотой оправе. А за стеклами — голубые глаза... Жена у Суханова большевичка, зовут ее Галя. Как это возможно: жена большевичка, а муж — меньшевик? Они же все время спорят, наверно?

«А, подвал! Нет, не то! Но сколько же времени прошло с тех пор, как позвонил Ленин? Сколько времени я тут копаюсь?»

Прямо перед Сашей электрические круглые часы с огромным циферблатом и черной стрелкой, отщелкивающей минуты.

«Как! Только одна минута? Не может быть! В самом деле — одна минута с хвостиком. Ну, не страшно!»

Еще один номер раскрыт. 11 июля 1919 года. Опять леденящая шапка:

*ПЕТЕРБУРГ И МОСКВА ГОЛОДАЮТ!
РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ ХЛЕБНЫХ ГУБЕРНИЙ,
ВСЕ ВАШИ СИЛЫ ОТДАЙТЕ НА ОТПРАВКУ ХЛЕБА ГОЛОДНЫМ!*

Саша спешит, листает. А Ленин ждет! Вдруг Саша отдернула руку: «Ох, что я натворила!» Оказывается, она рвет газету пополам. И порвала не один номер. Она так быстро перелистывала газеты, так яростно захватывала пальцами кончик листа, что хрупкая бумага не выдерживала.

«Гублю комплект! — ужаснулась Саша. — Единственный комплект!»

Теперь она осторожно откидывала номера. А время шло. Ленин ждал.

«Пропал проклятый подвал!» — сокрушалась Саша и перевернула еще один номер.

О, какая страшная страница! Падение советской власти в Венгрии. Самоубийство Тибора Самуэли. Этот венгерский комиссар сидел однажды тут, в секретариате, вон в том кресле. Теперь он покончил с собой там, в Венгрии, чтобы не сдаться живым их контре.

Опять подвал! Нет, это еще не о Суханове. А вот некролог. Умер большевик. Почти каждый день «Правда» печатает извещения о смерти коммунистов. И все от тифа...

Подвал! Наконец-то он! «Записки о революции». Новая

книга Суханова. Ага! Вот что нужно Ленину! Это в номере от 14 августа.

Саша понеслась к телефону, твердя наизусть: «Четырнадцатое августа. Четырнадцатое...»

— Владимир Ильич, статья о книге Суханова напечатана четырнадцатого августа тысяча девятьсот девятнадцатого года, — выговорила Саша четко, но дышала при этом чересчур громко.

— А, отыскали! Хорошо! — отозвался Ленин. — А теперь найдите, пожалуйста, то место, где сам Суханов пишет о Милюкове. И прочитайте мне.

— Вы опять будете ждать или вам позвонить? — справилась Саша, тая слабую надежду, что Ленин не станет больше дожидаться у телефона.

— Я подожду.

Этот краткий ответ Ленина Саша ощутила уже как катастрофу. Он опять будет ждать! Только бы не осрамиться, сделать все точно. Саша снова склонилась над маленьким столом. Теперь она читала статью «Правды» о Суханове. Не читала даже, а вбирала молодыми быстрыми глазами начало каждого абзаца. А статья, казалось, занимала полтора подвала. «Одиннадцать колонок! — сразу заметила Саша. — Пока все это прочитаешь... Милюков! Милюков! Где тут о нем? Где тут Милюков? Этот вождь буржуазии — эмигрант, бежал в Париж, черт бы его побрал! Ах да, ведь Ленин объяснил мне, где искать... Он сказал: «где сам Суханов пишет о Милюкове», — вспомнила Саша. Значит, это цитата. А цитаты набирают петитом, самым мелким шрифтом.

Саша стала читать только строки, напечатанные мелко, петитом, и очень скоро нашла фамилию Милюкова.

«Вот. То самое, что нужно Ильичу! Сейчас прочитаю ему это место. Прочитаю, и тогда все! Все!»

Но именно в ту минуту, когда Саше казалось, что все уже кончается, перед нею встало неожиданное препятствие. Сашин стол, всегда такой удобный, с полочкой, ящичками и особой ребристой крышкой, которая запирает стол вместе с его полочками, — этот самый стол, когда Саша захотела положить на него комплект «Правды», оказался предательски неудоб-

ным. Именно верхние хваленые полочки мешали разложить огромный комплект. А нужный Ленину номер, где написано о Милюкове, нельзя ни вырвать, ни отделить. Что делать? Саша поставила комплект на стол и придерживала рукой страницу.

— Владимир Ильич, я нашла это место о Милюкове, — сказала Саша.

— Отлично! — прокатилось в трубке. — Прочитайте, пожалуйста, весь абзац до конца.

Теперь Саша уже знала наверняка, что катастрофа неминуема. Чтобы прочитать Ленину весь абзац, надо комплект положить. А так, когда он стоит, да еще полураскрыт, все не прочитаешь. Ведь буквы так стерты... «Прочитайте, пожалуйста!» Вот тут и прочитай. А Мария Ильинична, видать, еще не добралась домой, а то она уже была бы у телефона, и все было бы просто. Надо же: именно сегодня, когда Ленин позвонил, она поехала в магазин! Как нескладно все получается. Ну как нарочно!

Так сетовала Саша на свою судьбу, пока руки ее пристраивали удобно комплект. Это было не легко. Она откинула его к полке, но он стал сползать вниз. Тогда Саша придвинула кресло вплотную, спинкой к столу, и комплект был как бы взят в плен. Саша привалилась к нему, прижала локтем раскрытую страницу — все было теперь в порядке. Правда, в таком согнутом положении не очень удобно читать, да еще смазанные газетные строчки, да к тому же вслух, да еще Ленину! Но когда все делается в такой спешке и Ленин ждет, тут уж не до удобств. Читай быстрее и соображай, что читаешь.

— Я начинаю, Владимир Ильич, — предупредила Саша и стала читать. Но ей показалось, что она произносит слова слишком громко, возможно даже выкрикивает, и она понизила голос.

— Пожалуйста, медленнее, — раздалось в трубке. — Я буду записывать.

«О, а я думала, надо быстро!» Саша прервала чтение и начала снова. Она выговаривала слова и одновременно примечала, как становится ровней ее дыхание, как понижается

голос. «Переходит в альт», — шутила в таких случаях Мария Ильинична.

Вот, наконец, последняя строчка абзаца!

— Точка. Кавычки закрыты. Все, Владимир Ильич. Я кончила! — произнесла Саша так, словно вздохнула громко, и, расправив спину, откинулась к стенке.

Но тут же ее охватил страх: «Все ли прочитала? Точно ли? Не напутала? А вдруг что пропустила?»

А в трубке в тот же миг послышалось:

— Хорошо. Теперь я вам прочитаю записанное, а вы, Саша, проверяйте по газете, точно ли я записал.

«А я уже сняла локоть! — ужаснулась Саша. — Теперь опять ищи это место. Нет, ничего! Вот оно!»

В телефонной трубке вновь катился быстрый круглый голос Ленина. Водя пальцем по строчкам петита, Саша вслушивалась в те слова, которые произносил Ленин.

— Все? — Это спросили в трубке.

— Да, все! — ответила Саша. — Все так и напечатано.

— Спасибо, Саша. До свиданья.

Это сказал Ленин. Честное слово, все кончилось! И, кажется, хорошо.

Саша оторвалась от комплекта, но трубку от уха не отнимала. Она продолжала вслушиваться в то, что происходит там, где недавно, вот сейчас, был голос Ленина. Тихо. Но, может быть, Ленин еще тут? Может быть, он еще раз проверяет то, что она читала ему, может быть, он еще что-нибудь скажет или спросит?

Саша вслушивалась, но ничего не было слышно.

Дррр! — вдруг словно электрическим током ударило Сашу в барабанную перепонку.

— Повесьте трубку! — услышала она уже другой голос: размеренный, четкий, негнущийся, словно деревянный. Это телефонистка «верхнего» кремлевского коммутатора.

Саша рывком повесила трубку и нажала на рычажок два раза — отъединяюсь, знайте! Затем Саша потащила на место комплект, позвонила в типографию насчет утреннего набора, вызвала курьершу и послала ее за гранками.

Курьерша положила на стол новую почту, и Саша стала

вскрывать толстые телеграммы и большие пакеты. Но то и дело ловила себя на том, что ничего не читает. Сидит вот так, откинувшись, а руки бессильно повисли. Сидит и рассуждает:

«Так никуда не годится! Раз статья напечатана в газете, должна быть заведена карточка на нее. Да, картотека всех статей, помещенных у нас. Вот тогда, если позвонит Ленин — и даже не Ленин, а кто угодно, — и не надо копаться в комплекте, искать, вспоминать... Тогда будет порядок. Картотека! А кто ее заведет? Ведь людей нет! Сотрудники так много работают, приходят утром, уходят ночью. И комплект один на всю редакцию. Разве можно так? И он такой большой, тяжелый. Прямо измучилась с ним! Ох, а ведь я его, кажется, порвала?!»

Вспомнив о происшедшем, Саша вновь побежала к газетному столику и стала просматривать номера.

«Это какой-то кошмар! — ужаснулась она. — Подряд, подряд, лист за листом, без единого пропуска, и каждый порван пополам, вот как раз по середине, как он был сложен. Где складка, там и рвалось. Хорошо, что я наконец спохватилась! Хорошо, что дальше не пошло... Но что же теперь делать? И это случилось именно со мной! А я еще требую всегда от всех, чтобы аккуратнее были с комплектом... Что теперь будет?»

Саша еще долго переживала бы случившееся, но дверь вдруг открылась, и появилась Мария Ильинична. Она остановилась у входа, прислонилась к дверному косяку и притворно строго, как разговаривают с детьми, спросила:

— Маленькая, с кем это мы сегодня разговаривали?

— Мы сегодня разговаривали с Лениным, и мы порвали комплект, — сокрушенно ответила Саша.

— Комплект? — встревожилась Мария Ильинична, шагнула к столику, откинула синий под мрамор переплет, полистала номера, пошевелила листы. — Но почему вы их рвали? Что произошло?

— Я сама не знаю. Даже не заметила как... — Саша прижала руки к груди. — От волнения, Мария Ильинична! Ведь я так волновалась. Владимир Ильич ждал у телефона. Вы пони-

маете, он ждал, я так торопилась. Уже потом спохватилась. Там, дальше, уже не порвано... Мария Ильинична, что тут было без вас! Если бы вы только знали!..

Мария Ильинична еще раз потрогала растерзанные листы, потом посмотрела на Сашу и вдруг расхохоталась. Она смеялась долго, и чем растеряннее становилось лицо Саши, тем громче смеялась Мария Ильинична.

Привлеченный смехом, заглянул в секретариат редактор.

— Отчего пальба и крики и эскадра на реке? — весело спросил он.

Мария Ильинична приподняла пальцем половинки порванного номера:

— Полюбуйтесь, пожалуйста, как наша Саша с Лениным разговаривала.

Редактор сначала ничего не понял, а узнав, в чем дело, тоже захохотал и забегал по кабинету.

— Вот так поговорила!

Между тем в секретариате один за другим появлялись члены коллегии, прибывавшие на заседание. Каждый, услышав рассказ о том, «как Саша с Лениным разговаривала», начинал, в свою очередь, тоже потешаться над Сашей. Саша все больше мрачнела. Как бы нарочно, в кабинет все время заходили сотрудники — они оставляли для заседания заявки: сколько строк им нужно в завтрашнем номере газеты. И все они, кто притворно, уже узнав о случившемся, а кто ничего не подозревая, смотрели на растерзанный комплект и удивлялись:

— Кто это порвал? Кто тут так хозяйничал?

Саша, бледная, с злым лицом, молчала либо грубо отвечала:

— Не ваше дело. Не беспокойтесь. Кто порвал, тот и зашьет.

К ее счастью, заседание вскоре началось и все ушли в редакторский кабинет. Саша достала из ящика своего стола тетрадь, в которую она записывала все, что ей поручали.

В редакторской все уже сидели в глубоких креслах, обитых бирюзовым сукном. Саша взгромоздилась на спинку кресла и примостилась у края стола. Это было ее любимое место —

высоко в простенке между окнами. Отсюда, как с вышки, ей видно всех.

Когда Саша вошла, Мария Ильинична как раз рассказывала, что Ленин чувствует себя хорошо, головные боли прошли. Затем ни с того ни с сего, как показалось настороженной Саше, Мария Ильинична сказала:

— Сегодня запоздала к обеду. Приехала, а он говорит: «Пока тебя не было, я с твоей Сашей по телефону говорил, навел у нее справку». — «Ну, и как?» — спросила я его, боясь, не набедокурила ли «моя Саша». «Все хорошо, — говорит Ильич, — она быстро и толково справилась». Вот так быстро! Оказывается, она полкомплекта порвала!..

У Саши в руках подпрыгнул карандаш.

— Ну, примемся за наши дела, — сказала Мария Ильинична, раскрыла папку, и заседание началось.

А растерзанный комплект все лежал на столике. И сотрудники, перелистывая его, неизменно поддразнивали Сашу: «Вот как мы с Лениным разговаривали!»

Но Саша уже не злилась, не грубила и смеялась над собой заодно со всеми. А потом комплект заменили новым и эта история позабылась.

Только Саша запомнила ее на всю жизнь.

ПАЦИЕНТ

В той самой комнате, где лежал простреленный вражескими пулями Председатель Совнаркома, водворилась на небольшой кушетке медицинская сестра. Она прибыла в Кремль из Солдатенковской больницы. Ни кремлевской больницы, ни аптеки тогда еще не было. Ленин лежал дома, в своей небольшой продолговатой комнате; тут же в углу стояла кушетка для дежурной сестры.

Фомина была опытной, серьезной, великолепно знавшей свои обязанности медицинской сестрой. Не случайно врачи взяли к раненому именно ее. Наставления лечебного триумвирата — трех врачей, которые провели при Ленине первую ночь после ранения, — она выполняла точно и строго. Обух, Вейсброд и Минц доверили ей уход за Лениным. И это доверие медицинская сестра оправдала.

Ленину было строжайше запрещено вставать с постели.

Однажды сестра Фомина отлучилась ненадолго из комнаты. Когда она вернулась, постель, на которой лежал раненый Ленин, оказалась пустой. Ленина в комнате не было. Сестра выбежала в коридор — ей навстречу из дальнего конца шел Ленин.

— Владимир Ильич! — Она подбежала к нему, взяла за руку, медленно, осторожно повела в комнату, уложила в постель.

Ленин увидел ее побелевшее от ужаса лицо, немой укор и отчаяние в строгих глазах.

— Ничего, ничего! — успокаивал сестру Ленин. — Не волнуйтесь. Все обошлось. Все будет хорошо. Маленькая прогулка...

— Если с вами после подобной «прогулки» что-нибудь случится, отвечу я.

— Ну, простите, больше не буду. А как приятно вот так вдруг пройтись самому. Осточертела постель... Ну, извините! И ничего им не говорите. — Ленин мигнул в сторону врачебной комнаты, которая находилась за комнатой Марии Ильичны.

Но медицинская сестра тотчас доложила лечебному триумвирату. Так прозвал Ильич тройку замечательных врачей, бывших при нем с того рокового вечера 30 августа, когда его привезли в Кремль и когда эти врачи боролись за его жизнь.

— Владимир Ильич, какой же вы недисциплинированный пациент! — укорил его профессор Минц.

А коммунист Обух сказал:

— Товарищ Ленин... и нарушает дисциплину!

— Вот и выпишите немедленно, до срока, такого недисциплинированного пациента, — посоветовал Ленин.

Но врачи были непреклонны. И медицинская сестра тоже. После случая с «прогулкой» Ленин попросил однажды сестру открыть окно.

— Мне душно при закрытых окнах, — сказал он.

Стоял сентябрь месяц. Осень. У Ленина было кровоизлияние в легкие. Врачи опасались простуды. Окно было закрыто.

— Откройте, пожалуйста! — повторил Ленин.

— Не могу, — коротко ответила сестра.

— Ненадолго, — просил Ленин.

Сестра покачала головой.

— Ну, прошу вас. Мне будет лучше.

— Запрещено, Владимир Ильич. Категорически.

— Знаю. Но это напрасно. Я ведь долго жил в Швейцарии, привык к горному воздуху.

— Нет, Владимир Ильич, не просите. Вы можете простудиться.

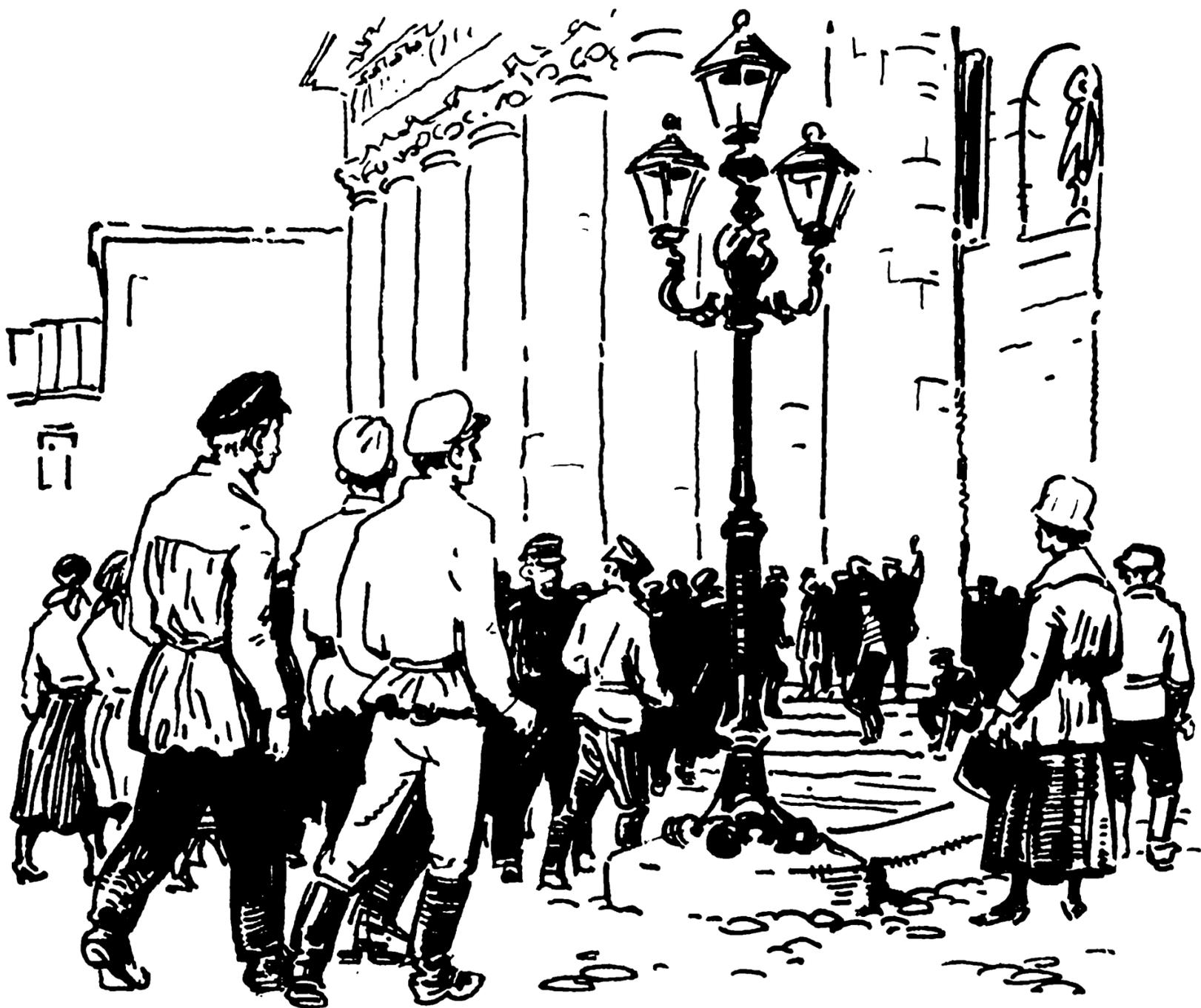
— Ничего со мною не случится.

— Я отвечаю за вас. Головой отвечаю. Если открою окно, меня расстреляют! Вот увидите! Честное слово!

— Ну, не беспокойтесь, — очень живо отозвался Ленин. — Как только вас приговорят к расстрелу, я попрошу товарища Ленина, он обратится с ходатайством во ВЦИК о помиловании, и вас не расстреляют. Откройте окно! Теперь я отвечаю за вас!

Но медицинская сестра не открыла окна и сообщила все врачам.

— Да, пациент у нас весьма трудный. Скажем прямо — невозможный пациент! — расхохотался грузный Обух.

КОНЦЕРТ ШАЛЯПИНА

— **М**ария Ильинична, сегодня концерт Шаляпина. Но не в Эрмитаже, а в Большом театре, — объявила Саша, едва Мария Ильинична появилась утром в редакции «Правды».

— Знаю...

— Начинается в шесть часов. Я пойду. Придется мне уйти из редакции пораньше...

— Вижу, мой пострел везде поспел! Жаль, я не могу, — покачала головой Мария Ильинична, — а то сходила бы. Давно, чуть не с Петербурга, не слушала Шаляпина. Просиживаешь тут все вечера — не вырваться...

— Ну, уж один раз можно. Вот давайте сдадим все раньше — и вырветесь! — уверяла помощница секретаря «Правды».

— Да, надо бы. И Надя тоже никак не соберется. А Ильич сегодня грозился, что пойдет без нас. Соскучился, говорит, по хорошему концерту.

Мария Ильинична вернулась к чтению лежавшей перед нею статьи, почитала недолго и, словно размышляя вслух, недовольно проговорила:

— С чего это придумали нынче устраивать концерты среди бела дня, когда люди работают? Все Анатолий Васильевич мудрит...

Анатолий Васильевич Луначарский — народный комиссар по просвещению — уделял очень много внимания театрам.

— Это мы тут в редакции до ночи работаем, а всюду днем кончают, — возразила Саша, которая была ревностной театралкой и не пропускала ни одной новой постановки и ни одного диспута о театре. — И Луначарский тут ни при чем. Концерт ведь Москва устраивает, приглашает Московский Совет...

Концерт Шаляпина был организован для московских рабочих, общественных и партийных организаций столицы. Было еще совсем светло. Над Москвой стояло легкое летнее небо: ни дымных облаков от лесных пожаров — в то лето вокруг Москвы горели леса, — ни грозových туч.

Быстрой походкой шагали граждане прямо по мостовой — кто в тапочках, кто в прюнелевых туфельках на веревочной подошве. Ничто не преграждало пешеходам путь — трамваи не шли, извозчики почти исчезли с московских улиц.

Парнишки, ловко сплевывая с губ шелуху, лузгали семечки. Шелуха лежала густым слоем на выбитом асфальте, булыжниках, торцах. Хрустела под подошвами ее серая масса. Улиц не поливали. Ветер вздымал смерчи бумажек, окурков, пыли и кружил все это в воздухе.

По ступеням, ведущим к Большому театру, поднималась

толпа. Это никого не удивляло. Время вооруженной борьбы пролетариата за власть было также временем великого движения народа к культуре, знаниям, искусству, театру. Пролетариат штурмом взял дворцы, он становился хозяином страны и хозяином театра. Начиналась эпоха революционного театра. Стены не вмещали новую публику. Спектаклям стало тесно на подмостках, среди кулис. Актеры выходили играть на улицу.

Праздничные зрелища на Дворцовой площади и у Фондовой Биржи в Петрограде, на Каланчовской площади в Москве ночью при свете луны либо огромных прожекторов собирали десятки тысяч зрителей. Актерами в этих постановках были рабочие, красноармейцы. Играл народ!

В то боевое, взбудораженное время театр был неотъемлемой частицей быта огромных революционных масс народа. Вход в театры был свободным.

В толпе, струившейся в этот день между колоннами Большого театра, было сравнительно мало женщин и очень много солидных, степенных, уже в годах, рабочих. Пролетарии московских окраин были самыми ревностными посетителями театра в те трудные, голодные, полные лишений героические годы.

Люди шагали с Крестьянской заставы, Симоновки, Тюфелевой рощи... Шли пешком по пятнадцать верст, чтобы попасть в театр. Партер и ложи занимали теперь рабочие московских заводов.

В тот жаркий день двадцатого года народ, собравшийся слушать Шаляпина, был одет по-летнему. Преобладала «толстовка» — легкая, свободная, длинная блуза со сборками на груди и с поясом.

Женщины — но лишь истинные гражданки революционной столицы — носили на голове красную косынку, как женщины Великой французской революции носили красный фригийский колпачок.

Пионерский галстук еще не мелькал в толпе первых лет революции — пионерские отряды возникли позднее. Та косыночка, которой труженицы повязывали головы, перекочевала потом на детские плечи, обвила шеи ребят. Но вначале пы-

лающая на женской голове косынка мелькала на митингах, демонстрациях, съездах, субботниках.

В день шаляпинского концерта работницы, связанные общим трудом на фабрике, подходили к театру группами. Звела песня:

Да здравствует Ленин —
Вождь революции. . .

Резко обрубая такт, исполняли припев:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов!
И, как один, умрем
В борьбе за это!

Новая музыка для песен революции еще не была написана. Старые мелодии служили революции.

Перед концертом под колоннами Большого театра происходила, как всегда, бойкая перекличка:

— Эй, братия басманная, меня подождите!

— Сущевцы, айда к нам в ложу!

— Не выйдет, сущевцы в партер пошли!

— Куда прешь, городской район? Честь и место Симонке!

— «Циндель», «Циндель», к нам! — кричали со ступеней.

— «Циндель» сама по себе! — отвечали пролетарки с текстильной фабрики, бывшей «Циндэль», высыпая из театрального сквера на площадь перед театром.

— Вот как зазнались на «Цинделе». С Крестьянской заставой не знаемся!

— Зазнались! Мы сегодня у самой царской ложи сидим.

Сашу, пробирающуюся в этой шумной, радостно настроенной толпе, где ласково перебранивались районы, тоже окликнули, окружили. К ней подошли двое. Один — синеглазый, оглушительно хохочущий крепкий детина в белой косоворотке под распахнутой кожанкой, со странной фамилией Башá; другой — сдержанный, угрюмый, с портфелем в руке, бывший повар. Это были председатели соседних районных Советов

Москвы. Они сжали тонкие Сашины руки своими сильными руками. Началась игра — как долго Саша вытерпит боль. Затем все трое вошли в вестибюль и поднялись в ложу.

Зал Большого театра быстро наполнялся. Саша села в правую ложу бельэтажа и, наклонясь над барьером, внимательно всматривалась в левую, ближайшую к сцене, правительственную ложу. Ленина там не было.

«Не вырвался!» — решила она.

Театр уже гудел. Здесь встретились сегодня люди хорошо знакомые — по ссылке, подполью, эмиграции, по дням и ночам московского восстания пятого года, по партийной работе, по труду на фабриках, заводах...

Восклицания, шутки, раскаты смеха, хождение из ложи в ложу, похлопывание по плечу, оклики, шуршание газет, топот на лестницах, шарканье по паркету — все сливалось в непрерывное, сплошное гудение. Партер уже чернел от голов, именно чернел — так много было народу. Густо заполнились ложи. Шесть часов. Вот-вот начнется концерт. Но шум не стихал.

Вдруг в разных концах многоярусного зала взметнулись какие-то выкрики.

Люди в ложах наклонялись друг к другу, тянулись куда-то, вытягивали шеи и всё старались рассмотреть что-то внизу, в партере. Все чаще в гудение театрального зала вливались непонятные Саше протяжные гласные: «Е-е-еи-и-и!» И, прежде чем Саша сообразила, что означают эти выкрики, один из ее спутников, наклонившись к ее уху, сказал:

— Ленин в театре!

И кивком головы, вытянутым подбородком, движением глаз показал: вон там.

Он показал не в направлении той, боковой, правительственной ложи, где, полагала Саша, мог сидеть Ленин, а вниз, в партер.

Саша перегнулась через барьер. В седьмом ряду, нет, в шестом, близко к проходу, Саша увидела Ленина. Он сидел в спокойной позе ожидания, откинувшись к спинке кресла плечом, облокотившись, чуть подавшись головой в сторону и слушающая, что говорит сосед.

Эта поза терпеливого, казалось, безмятежного зрителя, ожидающего начала концерта, была столь необычной для Ленина, так не вязалась с представлением о нем...

Как и весь народ, Саша видела обычно Ленина на трибуне, когда он обращался к массам: со сцены Большого театра, с кухонного стола на «Трехгорке», с эстрады Колонного зала, с балкона Московского Совета... Все знали и видели: если Ленин сам не выступает, сидит в президиуме, то и тогда он сидит не праздно, не бездействует — переговаривается, советует, то и дело поворачивает голову, кого-то ищет, подзывает, что-то пишет, рассылает записочки, с кем-то спорит, что-то обдумывает. Ленин — весь движение. И, словно в центре вихря, все вокруг Ленина в движении.

И на этот раз все пришло в движение, едва народ увидел Ленина. Но то, что теперь Ленин был только зрителем, бездействующим и спокойным, казалось невероятным всем остальным зрителям.

Нет, так быть не может! Так не бывает! Сейчас что-то произойдет. Ленин, наверно, встанет, поднимется на сцену, обратится к народу — чувствовали товарищи.

А Ленин по-прежнему сидел, откинувшись на спинку кресла.

Между тем огни в зале погасли. Только светились надписи «Выход» да под сценой, в оркестровой яме, над пустым пюпитром дирижера почему-то горела лампочка.

Саша все пристальней всматривалась в знакомые очертания ленинской головы. Иногда он наклонялся к своему соседу, и сверху было видно, как, сблизив головы, они о чем-то переговариваются. Рядом с Сашей, в ложах и позади нее, — возгласы, вопросы:

— С кем он?

— Кто это рядом с Ильичем?

— Это — Беленький, — донеслось до слуха Саши.

«Что-то не похож!» — удивилась Саша. Гриша Беленький, секретарь Пресненского райкома, часто бывает в «Правде» у Марии Ильиничны. Они знакомы с Парижа, по эмиграции. Он худой, очкастый, бородатый, длиннорукий. А сейчас рядом с Лениным другой, лысый дядя.

«Ну конечно, Беленький!» — узнала наконец Саша. Тот Беленький, который охраняет Ленина после ранения.

Ильич не хотел, чтобы его охраняли, всячески противился, злился, мрачнел, но, как очень дисциплинированный член партии, подчинился постановлению Центрального Комитета.

Беленький — чекист, большой, здоровый дядя, скромный, невзыскательный, одетый кое-как и бог весть во что, слывет добрым. Но у него удивительно зоркий, даже грозный взгляд. Белки глаз всегда красные, воспаленные: недосыпает. Ходит грузными шагами, медленно, озирается. Он охраняет Ленина не назойливо, старается не надоедать.

Если Ленин выезжал без семьи, один, Беленький оказывался всегда рядом. Первое время всегда просил у Ленина извинения: «Партийное поручение, Владимир Ильич», — и садился в его машину.

А так как Ленин уважал человека, который предан работе, соблюдает дисциплину, особенно партийную, то он относился с уважением и к своему невольному спутнику. В машине они сидели, как два товарища, члены одной и той же партии, назначенные каждый на свой пост.

Так бывало всегда, так повторилось и в этот летний день двадцатого года, когда наступал Пилсудский. Узнав от Марии Ильиничны, что Ленин собирается в концерт один, Беленький занял в партере место рядом с Ильичем. Здесь и увидели Ленина товарищи.

Когда дрогнул тяжелый занавес и обе его половины, тяжело колыхаясь и свертываясь на ходу, разошлись, в театре кричали:

— Ле-ени-ин!

— Ле-ениин!

Выкрики множились, росли. Все новые голоса вступали в невероятный хор приветствий. По всему залу, этой гигантской коробке с вызолоченными ярусами и пурпурными барьерами, гремело:

— Ле-е-ени-и-ин!

Саша не отрываясь смотрела вниз, в партер. И видела — Ленин все больше вбирает голову в плечи. Он не оглядывается по сторонам и что-то настойчиво говорит Беленькому.

Инстинктом Саша чувствовала — Ленину неловко. Что он говорит Беленькому? О чем они переговариваются?

А занавес между тем застыл, открыв прохладную пустую сцену театра, ровно освещенную невидимыми лампами. В проходе между левыми кулисами, где стоял рояль, Саша увидела высокую черную фигуру с ослепляюще белой грудью и белым лицом.

Шаляпин шел на сцену.

Вот он уже миновал последнюю кулису, вот занес ногу, чтобы сделать еще один, последний шаг, который выведет его на сцену. И вдруг Шаляпин отступил, стремительно подался назад, словно его отбросило ударом. Это звуковая волна — «Ле-е-е-ни-ин!» — достигла певца.

Саша, полная смятения, следила теперь за тем, что происходило в левой части кулис, куда отступил Шаляпин, и одновременно за тем, что происходило в партере. Неожиданно она увидела внизу красный бархат сиденья — четвертое кресло было пустым. Прежде чем Саша поняла, что это Беленький покинул свое место, что это его фигура движется к проходу, она увидела: Ленин тоже поднялся и, наклонив голову, подняв плечи, идет вслед за Беленьким.

Выйдя из ряда, они пошли по проходу, разделявшему партер. Но пошли не к выходу из зала, а вперед. Теперь их фигуры были освещены светом, падавшим со сцены. А ряды, мимо которых они проходили, поднимались, дыбились. По залу катился гул оваций. Он низвергался и сверху, с необъятных ярусов. Два человека — Ленин позади, его спутник впереди — стремительно уходили от этого шквала вперед, к сцене.

«Куда они идут?» — недоумевала Саша и увидела: вот оба подошли к барьеру, вот повернули направо и пошли вдоль первого ряда. Саше и всем сидящим в первых ложах стал виден ленинский профиль, затем все лицо. Ленин шел, опустив свою большую светлую голову, шел хмурый, стремительный, весь — плечами и грудью — подавшись вперед, словно от ветра или вихря, дувшего в спину. Но то был не ветер, не вихрь, а ураган, подлинный ураган приветствий, аплодисментов, оваций, восторга, энтузиазма, ликования, любви. Этот ураган чувств колыхал и раскачивал две с лишним тысячи людей.

Между тем Беленький достиг дверцы, ведущей в оркестр, открыл ее, пропустил Ленина и спустился вслед за ним по маленькой лесенке. Ленин прошел между пустыми пюпитрами. Последний раз мелькнул его затылок, и Ленин исчез.

«Ушел! Перешел на другое место. Скрылся от оваций. Наверное, в ложу...» — так говорили все и так думала Саша.

А шквал «Ле-е-ни-ин!», бушевавший с такой силой, катившийся с оглушающим рокотом и ревом, стал стихать, по мере того как Владимир Ильич уходил. В ложах усаживались, возбужденно разговаривали. Последняя волна замерла.

На сцене появился Шаляпин. Он пел для народа, свершившего революцию. Пел все лучшее. Пел самое любимое.

В антракте люди ходили из ложи в ложу, ходили по рядам и, как во хмелю, восклицали:

— Ну и Шаляпин!

— Как поет!

— Шаляпин Федор, мужик, крестьянский сын!

— Душу вымотал всю, как есть!

— Что хочешь отдам за его песню!

— Федор Шаляпин — певец народа русского, вот он кто!

— Хорош, до чего хорош!

Под конец Шаляпин пел «Улицу». В соседней с Сашей ложе пожилой рабочий в синей сатиновой косоворотке, аккуратно зачесанный на косою пробор, с длинными рожками темных усов, услышав эту надрывную песню про улицу широкую да жизнь одинокую, вдруг уронил на плюшевый барьер свою седую голову и зарыдал... Концерт окончился, но никто не уходил. Шаляпина со сцены не отпускали.

— «Дубинушку»! — раздалось в зале, и тотчас, словно был дан сигнал, отовсюду понеслось: — «Дубинушку»!

— Просим «Дубинушку»!

— Даешь «Дубинушку»!

— Даешь!

— Товарищ Шаляпин! — неожиданно с пронзительным визгом взлетел к ярусам высокий, отчаянный женский голос. — Женщина-пролетарка требует «Дубинушку»!

Театр захохотал, захлопал:

— Даешь «Дубинушку» — и никаких гвоздей!

Шаляпин вышел на авансцену. В зале зажглась гигантская люстра. Все стихло.

Шаляпин обратился к залу:

— Ну что же, спою «Дубинушку». Но, — певец поднял красивую белую руку, далеко высунувшуюся из крахмальной манжеты, — выговариваю наперед: я буду петь, а вы мне подтягивать. Условие: чтобы весь зал...

Шаляпин повернул вытянутую руку ладонью вверх, слегка согнул длинные пальцы, собрал их вместе и, сделав это собирательное движение, повел рукой к себе, словно стягивал голоса двух тысяч человек, находившихся в театре. Так ямщик натягивает вожжи.

— Подтянем! Согласны! Ухнем! — отвечал хором театр.

Шаляпин чуть отступил, словно для разбега, для броска вперед, запрокинул отчаянно-удало свою красивую голову, прикрыл глаза и затянул песню — широкую, мощную, буйную, отчаянную, как народ, как вся его бескрайняя страна. А народ встал от партера до самых верхних ярусов и стоя подтягивал:

Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, зеленая, сама пойдет!
Подернем! Подернем!
Да ух-не-ем!

Шаляпин вытянул последнюю ноту долгой нитью такой высокой, такой тонкой. Она не кончилась, не оборвалась, а истаяла в воздухе, как дымка.

* *

На следующее после концерта утро, сидя в редакции, Саша нетерпеливо поглядывала на часы: скоро ли придет на работу Мария Ильинична? Интересно узнать, куда все же спрятался Ленин? Из какого уголка слушал он Шаляпина?

Около полудня появилась Мария Ильинична в своей неизменной английской блузке в полоску, с мелкими застроченными до конца складками, в темно-серой до полу юбке с высоким корсажем. Соломенная шляпка с репсовой лентой на тулье скрывала прическу.

Пока Мария Ильинична доставала из ридикюля ключи, надетые на металлическое кольцо, проводила ладонью по чернильному прибору и телефону, проверяя, хорошо ли вытерта пыль, Саша с юным возбуждением рассказывала ей, как вчера на концерте Шаляпина Владимир Ильич так здорово спрятался от оваций, что никто его больше не видел.

— Никуда он не спрятался! — перебила ее Мария Ильинична и, стерев с пальцев пыль, мрачно добавила: — Он ушел из театра, совсем ушел... Так Шаляпина и не слушал.

Саша ахнула:

— Зачем же было уходить? Ведь Владимир Ильич так любит музыку!

— Вот именно потому, что Владимир Ильич так любит музыку. — И вдруг вспылила: — Брат вернулся домой возмущенный. «Наша публика, говорит, совершенно не умеет вести себя в концерте. Идут слушать Шаляпина, а устраивают овацию Ленину... Это неуважение к артисту!» И в самом деле, — горячилась Мария Ильинична, — ведь на концерте были наши товарищи, партийцы, сознательные рабочие. Это тем более недопустимо. Вот он возмутился и ушел. Что ему было делать?

— Мария Ильинична! Но ведь это делали не подумав, — пробовала объяснить Саша. — Это было в таком порыве... Я сама видела. Это от любви. Владимира Ильича так любят, что невозможно...

— Любить тоже нужно с тактом! — вновь перебила Сашу Мария Ильинична. — Видят, человек пришел на концерт, тоже хочет послушать Шаляпина, и не надо ему мешать.

Саша ничего не ответила. Она сидела притихшая, смущенная. Ей было стыдно, оттого что она даже не подумала, что Ленин может оскорбиться за артиста. Из двух тысяч собравшихся в театре никто не догадался, что Ленин покинул концерт, потому что ему неудобно перед Шаляпиным.

А Мария Ильинична еще долго негодовала:

— Так редко удается послушать музыку — и ушел! Так трудно было выбраться на этот концерт! Он даже заседание отложил, хотя никогда этого не делает... Сам указал, где хочет сидеть, сам... — Мария Ильинична не закончила фразу и махнула рукой. — Не дали послушать!..

ИСКОРКА

Была уже полночь, когда Ленин распустил наконец Совнарком.

Все, кто были сегодня вызваны на заседание, разошлись, и зал опустел.

Ленин встал, потянулся, расправил плечи, по привычке провел рукой по лицу, голове и пригладил на затылке и у висков волосы.

Затем предсовнаркома отставил в сторону легкое, с ажурной сеткой, кресло и, вот так, стоя, принялся приводить в порядок свои бумаги.

А напротив него, за длинным столом заседаний, придвинутым вплотную к столу Председателя Совнаркома, тоже разбирала бумаги маленькая, сухонькая, проворная белокурая женщина с мелкими чертами светлого подвижного лица и синими, часто помаргивающими глазами.

Все чаще бросала она в сторону Ленина быстрые, короткие взгляды. Ее всегда улыбочивые, со смешинкой глаза примечали теперь с тревогой: Председатель Совнаркома разбирает сегодня бумаги хоть и сосредоточенно, как всегда, но без присущей ему сноровки, без ленинской быстроты. Просматривает медленней, значительно медленней обычного.

Уже не встревоженным взглядом, а стесненным сердцем женщина отметила про себя: «Какой утомленный вид у Ильича... Как пожелтело лицо...»

Мария Александровна состояла в партии давно — скоро два десятка лет. В Совнаркоме она заведовала канцелярией Ленина. А в этот вечер заменяла на заседании секретаря Совнаркома — Лидия Александровна Фотиева была в отпуску.

Проворно сложив и аккуратно подровняв края страниц протокола, уложив его в особую папку, Мария Александровна отправилась в кругосветное путешествие вокруг длинного стола. На ходу собирала она записочки, блокноты, брошюры, справочники — все, что неизбежно остается после долгого заседания на зеленом сукне, как после отлива на морском берегу.

Ленин между тем кончил разбирать свои бумаги и подозвал сотрудницу к себе:

— Вот, товарищ Лебедева, это, пожалуйста, к следующему Совнаркому.

Принимая из рук Ленина папку, Мария Александровна очутилась вплотную перед ним, увидела лицо Председателя Совнаркома близко-близко и сразу заметила — всегда такие сверкающие глаза Ильича сейчас совсем погасли. Ни огонька, ни искорки...

— Устали... — сокрушенно выговорила заведующая канцелярией.

— Устал... — покорно согласился Ленин. И провел по лицу рукой.

Казалось, он стирает с лица налипшую, как паутина, усталость.

— Ну зачем же вы так долго держали их всех тут? — неожиданно для самой себя спросила Мария Александровна. — Ведь вон сколько часов ушло. Они все спорят, спорят... А вы все слушаете...

При этом сотрудница повела локтем туда-сюда, туда-сюда, словно расталкивала кого-то.

— А чего слушать всех? Вы же лучше их знаете, как надо. И все равно будет потом по-вашему...

Ленин прищурил изумленный глаз.

— И это вы называете коллегиальным руководством? — спросил он.

От этого вопроса локоть у Марии Александровны заходил быстрее, быстрее, туда-сюда, туда-сюда. Смешливое, с прозрачной белой кожей лицо густо пошло алыми пятнами.

А Ленин все поглядывал на сотрудницу острым, с прищуром, глазом, качал весело головой и лукаво спрашивал:

— Значит, не слушать, не спорить, не обсуждать?

И в его усталом взгляде, который, казалось, совсем погас, вдруг сверкнула такая жаркая искорка...

НАЧАЛО БИБЛИОТЕКИ

Библиотека «Правды» началась именно в ту ночь...

Контра уже вещала на весь мир: «Последние дни большевиков». Но сердце упорно верило в победу и не хотело верить в поражение.

В пронзительном ветре московской осени Саша ощутила тогда тревожное дыхание отступления. Все отвоеванное вес-

ной было вновь потеряно... Фронт проходил... Нет, совершенно невозможно было выговорить, где проходит фронт. Это уже вот тут, у самого сердца!

Красные флажки, воткнутые в черные кружочки городов, трепетали на осеннем ветру. И казалось, это огненные язычки стелются, крадутся, лижут, выжигают землю Республики Труда.

За картой раздавалось церковное пение. В Страстном монастыре шла служба. За что молились там монахи? За кого?

А в московской толпе слышалось: «Как близко... Как близко от Москвы...»

«Совсем близко...» — повторяли в толпе. Повторяли и наши и контра. Наши — с тревогой, контра — со злорадством.

В это субботнее утро Саша, спешившая в редакцию, впервые не повернула головы, не посмотрела на карту, по которой Москва девятнадцатого года сверяла судьбу революции.

«Лучше не смотреть, — решила она, пересекая тусклые, едва приметные, уже занесенные мусором и палым листом рельсы московского трамвая. — Лучше не смотреть, чтобы не увидеть худшего...»

Саша шла в редакцию. Это был день коммунистических субботников. В курьерской «Правды», рядом с еще холодным самоваром, топорщились первые утренние телеграммы собственных корреспондентов.

Саша вскрыла их сразу, и сразу все стало ясно. Юденич подошел к Гатчине. Это у самых ворот Питера. Деникин идет на Тулу. Это уже у самого сердца России... А ведь штаб Южного фронта стоит в Серпухове. Фронт Южный, а штаб его почти на севере. Ведь за Серпуховом уже Москва...

Саша сдала телеграммы на машинку и стала разбирать почту... Но за строчками, писанными то пером, то карандашом, словно мелькала и проступала вдруг печатная строка: «НИКОГДА ЕЩЕ ВРАГ НЕ БЫЛ ТАК БЛИЗОК К МОСКВЕ».

Когда Ленин сказал это? Когда? В начале октября... В самом начале. Тогда Деникин шел на Курск. А теперь середина октября. Теперь Деникин взял Курск. И Орел...

Орел резанул сердце дважды. Потому что Орел был захвачен белыми дважды. Первый раз — неожиданно, непостижимо.

Это случилось в сентябре. На пустеющих бульварах Москвы шуршала сухая листва. Газеты сообщили, что банды конных разбойников под командованием бывшего помещика генерала Мамонтова прорвались в красный тыл. Мамонтовцев вскоре прогнали. Орел был советским. Но вот наступил октябрь. Оголены московские бульвары, и ветер студит душу тревогой. Опять пал Орел. Теперь генералы уже наступают повсюду. Все предельно плохо. Революция в опасности!

Но нет, нет отчаяния в душах тех, кто жизнь готов положить за новую, еще небывалую на земле власть Советов.

Каждый день по Тверской двигаются к Московскому Совету колонны. Это молодые члены партии, вступившие в партийную неделю, заявляют о своем решении идти на фронт. Особенно взволновало Сашу, когда из Грузин и «Трехгорки» пошли к Московскому Совету дружинники. В эти тревожные дни октября девятнадцатого года в Москве вновь возникли рабочие дружины, как тогда, в октябре пятого. От слов «Штаб боевых рабочих дружин» веяло легендами баррикад.

Саша, не выдавшая ни пожара ни стоявшей насмерть гордой Пресни, ни уличных боев с казаками, усмирявшими революционную Москву, тоже бежала к Московскому Совету на митинг. Всю площадь вокруг Обелиска Конституции занимали парни, юноши Пресненской заставы. Были тут и бородачи. В толпе говорили: «Это те, которые еще с пятого».

Так длился бесконечный субботний день. Когда стемнело, в редакцию пришла вечерняя почта. Саша снова вскрывала пакеты, письма. Одно было подметное. Кто-то, скрытый, угрожал «Правде» расправой. А потом, уже вечером, принесли сводку военных действий. И в сводке была ужасная, прямо невозможная строка: «НАШИ ВОЙСКА ОСТАВИЛИ ГАТЧИНУ».

Редакторы покинули холодный кабинет и перешли в секретариат, где топилась печка-буржуйка.

Слышался скрип перьев, изредка кто-то ронял слово, другой не скоро откликнулся. Раздумье владело всеми. Раздумье вслух.

— Питерцам отступать дальше некуда. . .

— Да, дальше уже сам Питер. Его дома и улицы.

— Драться можно и на улицах и в домах.

— В Питере двадцать тысяч коммунистов. . .

— Питерский пролетарий города не отдаст. . .

— Нужно влить дух бодрости в нашего бойца.

— Да, красный боец устал. . .

— Плохо, что дела наши плохи сразу и на юге и на севере.

— Летом и осенью революции всегда трудно. . .

— А к зиме непременно побеждаем.

— У меня такое ощущение, что это последняя ночь. Что мы должны остановить белых немедленно, вот сейчас. Иначе будет уже трудно.

— Да, и у меня ощущение, что эта ночь в каком-то смысле действительно последняя.

— Подумать только, Гатчина у белых! Это невозможно представить. Разве что в дурном сне. . .

— Такое и не приснится. . .

Так разговаривали в секретариате редакции в субботний вечер октября, когда пришла самая плохая сводка за всю историю гражданской войны, когда Питер был уже на осадном положении, а Москва — на военном.

Потом редакторы уехали в «Метрополь», где они жили, и, уезжая, сказали:

— Мы ложиться не будем. Ежели что, звоните. . .

Мария Ильинична хмуро кивала головой: «Разумеется, ежели что. . .» — и давала выпускающему последние наставления — что на какую полосу верстать в этот воскресный, напоенный тревогой и опасностью номер «Правды».

А потом, когда выпускающий уже ушел в типографию, позвонили вдруг из РОСТА и сообщили, что ночью ожидаются важные телеграммы — последние известия с фронта.

Этот ошеломляющий звонок сразу разрушил всю верстку номера. Никто не знал, что таят последние известия этой ночи

и какую полосу «держат». В бурной жизни секретариата вдруг наступила пауза. Пауза ночного ожидания, неизвестности, тревоги. И в сердце каждого сотрудника тоже наступила пауза — ожидания, неизвестности, тревоги.

Стало вдруг невозможно тихо. Руки секретаря «Правды» так и остались на телефонном аппарате — словно застыли. А две сотрудницы, глядя на эти руки, тоже застыли.

Казалось, застыла вся редакция, из конца в конец. Все комнаты пусты. Их освещает причудливый, мерцающий, разделенный рамами на квадраты свет типографских окон. Только в секретариате зажжены все лампы.

После паузы все вернулись к работе. Мария Ильинична читает рукописи, а две сотрудницы, одна постарше, в камвольном платке, другая помоложе, в пальто, накинутом на плечи, о чем-то сразу зашептались.

— О чем там шепоток? — покосилась Мария Ильинична. — Чего сидим? Работу кончили, пора по домам. . .

— По домам неохота. . . Дома холодно.

— А тут?

— А тут сейчас будет субботник.

— Это какой такой «тут сейчас будет субботник»?

— Коммунистический. Как у всех. Сегодня Москва ходила на субботник. А мы не ходили.

— Вы же тут работали. — Мария Ильинична пожала плечами.

— Но нам хочется субботник. . .

— А делать что будете?

— Библиотеку. Вот, смотрите! — Обе сотрудницы раскрыли настежь шкафы. — Вот уже сколько книг, а библиотеки нет. Госиздат теперь каждую неделю присылает. А мы все вот так сваливаем. . .

В немыслимом хаосе громоздились в шкафах первые книги Советской власти. Все до единой без переплета, в мягкой обложке. . .

— Да, без субботника не справиться. Как на железной дороге.

— Джунгли! Книжные джунгли!

Разом, словно дали команду, смахнули сотрудницы книги на пол. Потом смахнули с полок пыль. И тогда лишь вспомнили, что для библиотеки нужна печать. А ее нет.

— Попросим пока в типографии отлить строку!— Сотрудницы вывели на листе бумаги каллиграфические образцы: «Библиотека «Правды».

Саша запахнула потуже пальто и с листом в руке побежала в типографию.

Линотипы стояли рядами. Лампочки под железными колпачками бросали яркий свет на текст. Наборщики, глядя в текст, как музыканты в ноты, печатали. Пальцы сновали по клавиатуре в плавном ритме. Так рождались ровные свинцовые строчки типографского набора.

Саша миновала ряд «Известий» и прошла в следующий, где сейчас набирали «Правду». Тотчас наборщики повернули головы вправо, в сторону Саши.

«Как солдаты в строю», — подумала она.

Навстречу ей уже шел заведующий наборным отделением, в погнутых очках, с карандашиком за ухом, с влажными оттисками в руке.

Саша протянула ему свой лист бумаги.

— Наберите вот это, пожалуйста.

— Что это? — Заведующий недоуменно поднял очки на лоб и вновь спустил их.

— Это для библиотеки, вместо печатки.

— Я думал, последние известия принесли. Сказали — телеграмм ждут.

— РОСТА еще не присылала. А у нас пока субботник, и нужна печатка для библиотеки.

— Для библиотеки? — недоумевал заведующий.

— Это в такую ночь? — Наборщик тоже усомнился.

— Да. И разбейте на шпоны.

— Ну, пройдем. — Заведующий хмуро пригласил Сашу к линотипу.

А наборщик пренебрежительно (не вовремя вздумали забавляться!) положил пальцы на клавиши и набрал, словно сыграл, типографскую строчку.

— Спасибо! Чудная печатка! — Саша бережно взяла узкую, тяжелую, еще теплую строку набора.

— Вот и мы на вашем субботнике поработали, — рассмеялся неожиданно наборщик. — Отметьте в сводке.

— Отметим! — обещала Саша и побежала в редакцию. Так началась библиотека «Правды».

Свинцовую типографскую строчку вонзили в лиловую мякоть штемпельной подушечки и штемпелевали первую и семнадцатую страницы. Буквы отпечатывались глубоко, и хорошо проступали кавычки у слова «Правда».

Когда проштемпелевали все книги, задумались: как расставить их? По какому принципу?

Ни Ира, ни Саша не знали библиотечной работы.

— Давай по алфавиту, и дело с концом, — предложила Саша.

— Ни черта тогда не найдешь тут. — Ира отвергла предложение.

— Давай спросим ее. — Саша покосилась в сторону секретаря редакции.

Мария Ильинична, у ног которой на полу расположились сотрудницы со своими штабелями книг, пояснила, что все надо расставить по разделам — беллетристика, социально-экономические, технические... Потом завести картотеку...

У Саши вытянулось лицо.

Столько разделов? У нас полка не хватит...

Но Ира с присущей ей деловитостью живо принялась за классификацию и отправила «Первый календарь за 1919 год» на самую верхнюю полку.

Саша положила на колени две книги, изданные в серии «Кому пролетариат ставит памятники». Одна книга называлась: «Стенька Разин — вольный атаман». Другая — «Тиберий Гракх».

— Это в раздел истории. Но ставить ли рядом? Ведь «Стенька Разин» — это к России, а «Тиберий Гракх» — к Древнему Риму...

— Спросим... — Саша мотнула головой в сторону секретаря «Правды».

Мария Ильинична решила, что книги лучше расставить по странам, и Стенька Разин, вольный атаман, отделился от римлянина Тиберия Гракха и стал на другую полку.

— «Карл Каутский. Предшественники новейшего социализма». Это об утопистах, — объявила Ира.

— Знаю. . . Читала немного. . .

— Это надо не читать; а шту-ди-ро-вать. И конспектировать. . . — заметила Ира.

Саша только вздохнула. Рядом с Ирой она ощущала все свое несовершенство.

— Степанов и Богданов. «Курс политической экономии», — объявила Ира. — Ставь к социально-политическим.

— Ох, никак не закончу этот курс. Как свободная минута, так я за историю. Вчера всю ночь читала записки шлиссельбуржцев.

— Надо какую-нибудь одну область выбрать. А ты разбрасываешься.

— А ты уже выбрала область? — встревожилась Саша.

— Конечно, выбрала. Моя область — экономические науки. Имей в виду: экономика — основа всего.

— А я еще не выбрала область! Меня очень привлекает история. Но литература тоже. А экономика — нет! История больше всего. Особенно история революций.

— Но без экономики все равно не обойдешься. «Капитал» — это основа основ. . . — уверенно говорила Ира.

— Ну конечно, мы даже на дежурствах ЧОН, пока нет тревоги и делать нечего, штудируем «Капитал». Уже одолели первую главу.

— Это к истории! По твоей части! — Ира протянула Саше иллюстрированный сборник «Декабрьское восстание в Москве».

Саша пересмотрела снимки — все незнакомые лица — и, оглянувшись, не слушает ли секретарь «Правды», прошептала:

— Но увлекательнее всего поэзия! Особенно «Двенадцать».

И, сидя на полу с раскрытой книгой на коленях, Саша вдруг начала читать поэму — чуть подвывая, безостановочно, как в то время читали поэты:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

— Так! Субботник сопровождают стихи... — засмеялась Мария Ильинична.

Саша умолкла.

— Продолжайте! Продолжайте! Это вместо песни.

— Да, на субботнике всегда поют песни.

— Вильгельм Либкнехт «Пауки и мухи», — объявила Ира.

— Вильгельм? Это кто? Отец Карла Либкнехта?

— У Вильгельма замечательные воспоминания о Марксе.

— А Карл крупнее? Он вождь германского пролетариата.

— Герман Гортер «Исторический материализм». В двух экземплярах. Один беру себе. Пора заняться. Я бы с удовольствием вторые экземпляры сунула в печку. Я так замерзла, сил нет...

Зазвонил телефон. Мария Ильинична отвечала: нет! Все еще ничего нет!

Сотрудницы понимали, что это редакторы звонят из «Метрополя».

— Да, ничего. И утешительного ничего. Разве что, — неожиданно оживилась Мария Ильинична, — вот утешительное: девочки субботник затеяли. Да, субботник. Не пошли домой и устраивают библиотеку... Да, в такую ночь.

Мария Ильинична положила трубку, и снова потянулась эта ночь, казавшаяся бесконечной. РОСТА задерживала последние известия, и никто не знал, что происходит сейчас на фронте.

Вдруг зазвонили с «верхнего» коммутатора Кремля, и Мария Ильинична сорвалась со стула и легко-легко побежала к аппарату. Звонил Ленин.

— Почему задержалась? — повторяла она вопросы, которые задавал брат. — Почему не дома? РОСТА жду. Последних известий еще нет. Да, велели дожидаться. А что там, не скажешь? Уточняют? Уже скоро? Ну и я скоро. Как получим, так поеду дормиршляфен. Нет, я тут не одна. Тут ночной субботник. Девочки библиотеку устраивают. Да, в такую ночь. . .

Мария Ильинична повесила на рычажок трубку, вернулась к своему столу и с нежностью поглядела на «девочек», которые, стоя на коленях, все еще разбирали книги. Они не смотрели в сторону секретаря «Правды» и не подавали виду, что слышали разговор по телефону, словно то, о чем говорили между собой сестра с братом, было чем-то сугубо семейным и к ним не относилось.

— «Бежин луг», «Дом с мезонином», «Сказка об Иванушке-дурачке», — шептали они названия книг, — все к беллетристике. Вот еще Толстого. . .

— РОСТА! — Курьер хлопнул дверью.

Сотрудницы вскочили с пола как от удара. Книги посыпались с колен. Мария Ильинична стремительно развернула желтоватый лист РОСТА и прочитала сначала про себя, а затем вслух три слова:

НАМИ ЗАНЯТА ГАТЧИНА

Началось!

Курьерша помчалась в типографию. Мария Ильинична вызвала «Метрополь». Саша по телефону записала новую шапку для номера, которую ей диктовали из «Метрополя»:

ПИТЕРСКИЕ РАБОЧИЕ ВЕРНУЛИ ГАТЧИНУ.

РАБОЧИЕ РОССИИ!

ВЕРНИТЕ ВСЕ, ЧЕМ ЗАВЛАДЕЛИ БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ!

Прибежал выпускающий и с ним метранпаж.

Мария Ильинична заново указывала, где что верстать, и, взяв записанное Сашей по телефону, сказала:

— А вот эту шапку победную наденем на первую полосу взамен прежней.

— Что же получается? — ужаснулся метранпаж. — Все полосы кувырком! А время — ночь, время — третий час!

— Но что же делать, раз такие дела? — виновато оправдывалась Мария Ильинична.

— Дела! Дела! — негодовал метранпаж. И вдруг, словно сообразив наконец, какие это дела, неожиданно рассмеялся. И все тоже стали смеяться.

А сотрудницы быстро убрали все книги в шкафы, заперли их на ключ и стали собираться домой. На пороге появился ленинский шофер Гиль и, как всегда, кивнул головой: мол, здесь я, жду, пора ехать. И Мария Ильинична погасила настольную лампу под зеленым фарфоровым колпаком.

Так кончилось отступление красных войск и начались победы революции на всех фронтах сразу. Они длились всю зиму.

Было все это в октябрьскую ночь под воскресенье. Вот в такую ночь, когда кончилось отступление, и началась библиотека «Правды». Именно в такую ночь.

СЛАВА

Толстый синеглазый мальчик в очках жил в Петербурге, на Знаменской, а его отец, польский революционер, жил в Сибири, в ссылке.

Прежде они проживали в старинном городе Вильно. Но, когда отца сослали, мать уехала к нему в Сибирь, а Веслава оставила в Петербурге, у тети Юлии, которая очень напоми-

нала ему папу, — такая же полная, невысокая, синеглазая, добрая. Только тетя Юлия не была революционеркой. Она была зубным врачом. Но, если нужно, тетя становилась вдруг решительной и смелой, как папа.

В тот год, когда сослали отца, началась война с немцами. По улицам Петербурга маршировали солдаты, и Веслав в соломенном картузике и коротких штанишках вместе с ватагой мальчишек бегал вслед за ними и пел солдатские песни.

Однажды, когда деревья в столице уже золотились, как в старом Вильно, тетя вернулась из города и сказала племяннику:

— Веслав, сядь, мне нужно с тобой поговорить по серьезному делу.

Она сняла соломенную шляпу с большими полями, на которых синели васильки, поправила перед зеркалом высокую прическу и тоже села на диван.

— Веслав, сегодня мне удалось определить тебя в частную гимназию Лентовской. Завтра ты опять начнешь посещать занятия. Вот в связи с этим важным событием нам с тобой нужно условиться. . .

Тут синие, всегда ласковые глаза тети Юлии стали почти черными и такими решительными, словно она вооружилась своими щипцами и собралась удалять пациенту зуб.

Веслав напряженно ждал, что будет дальше.

— Ты в гимназии не говори, что папа был арестован. Никто не должен знать, что он сослан. Это большая тайна. Если ты ее выдашь, плохо придется мне и тебе, а папе ты причинишь ужасное огорчение. И маме тоже.

Уже значительно мягче и на этот раз по-польски тетя Юлия спросила:

— Дáешь слово, слово гонóру?

— Власьне! — не глядя на тетю, глухо выговорил Веслав. Над крутым мальчишеским лбом упрямо встал жесткий белесый вихорок, выжженный летним солнцем.

— И еще, Веслав, — уже на ходу проговорила тетя, — если тебя спросят, скажи, что ты уехал из Вильно недавно, уехал потому, что началась война. . .

С того дня Веслав носил в себе невероятную, как он понимал, тайну.

Однажды в приемную к тете пришел пациент, он морщился от острой зубной боли и рукой держался за щеку. Тетя спокойно, равнодушно пропустила его в кабинет. Но в тот день уже никого больше не принимала. А наутро Веслав обнаружил, что пациент ночевал на диване, за шкафом, который перегородил комнату пополам.

После завтрака, когда Веслав укладывал учебники в ранец, тетя Юлия сказала:

— Веслав, у нас сегодня никто не ночевал. Вообще никто из посторонних у нас никогда не ночует. Да?

При этом ее синий глаз стал вдруг острым и стальным, как сверло бормашины. . .

— Конечно! — торопливо отвечал мальчик и убежал в гимназию, а его синие глаза под очками стали хмурыми, как небо над городом, в котором проходило такое недетское детство Веслава.

Иногда мальчика неожиданно посылали на улицу: «Постой минут десять у подъезда». Когда он возвращался, его ни о чем не спрашивали. И он тоже ничего не спрашивал.

Так прошло три года. Наконец все это кончилось.

Весной в России свергли царя. По прямым великолепным улицам столицы потекли бурные людские реки. Все в империи тронулось, как в ледоход. Из Сибири вернулся отец Веслава, и с ним мама. Семья соединилась.

Сняли квартиру недалеко от тети Юлии. В новую квартиру люди приходили не таясь. Все приходившие были товарищами. Товарищами папы. «Товарищами по партии», — как говорила тетя Юлия.

Веслав расспрашивал о Сибири, слушал политические споры, бегал на уличные митинги и вместе со всеми пел:

Вихри враждебные веют над нами. . .

Дивясь перемене, происшедшей в сыне за годы разлуки, отец заметил как-то:

— Веслав очень начитан и не по летам развит. Сказалось влияние Юлии.

— Нет, Мечислав. — Тетя покачала головой. — Это жизнь сделала его таким. Что ты хочешь, — замкнутая жизнь в явочной квартире!

Так вот оно что! У тети Юлии была, оказывается, явка! Это революционеры приходили к ней под видом пациентов. . . И тот, который ночевал. . . Но где же он теперь? Почему не приходит?

А старшие, вспомнив о явке, стали сразу очень веселыми.

— Кончилось, кончилось наваждение, все эти аресты, ссылки, обыски. . . Революция!

Так началась вторая жизнь маленького Веслава, сына революционера. И в этой новой жизни у мальчика появились новые, важные дела, а затем неожиданно и новые тайны.

Уже на третий день после возвращения из Сибири отец сказал:

— Слава, завтра чуть свет беги на Невский и купи у газетчика «Правду». Снова начинает выходить газета нашей партии.

Утром, когда отец еще не просыпался, Веслав уже бежал по улице. На углу Невского газетчики выкрикивали названия газет.

— Мне «Правду», — просил Веслав. — Мне нужна газета «Правда». У вас есть такая газета? «Правда»!

Да, такая газета оказалась у одного газетчика. Уплатив пятак, Веслав помчался домой с добычей.

— Татусю, пшинес! — закричал он по-польски, как всегда, когда волновался. — Патш, татусю. Тó есть «Правда»! Перши номер! ¹

Отец развернул газетный лист и приник близорукими глазами к мелким строчкам типографского набора. Он читал вслух столбец за столбцом:

— «Пролетариат Петербурга и России помнит газету «Правда». Высоко держала пролетарское знамя наша рабочая газета два года».

¹ Папа, принес! Смотри, папа! Это «Правда»! Первый номер!

Отец читал, а семья собралась вокруг него и слушала голос «Правды», который умолк почти три года назад.

С того памятного воскресенья Веслав бегал каждое утро за газетой. Если ее не было на Невском, он отправлялся на поиски. Его встречали и на далеких заставах, где рабочую газету легче было найти, нежели в центре, населенном богачами.

Отец наспех прочитывал телеграммы, извещения и уходил в Петроградский Совет, а сыну наказывал:

Слава. сбереги номер. Ночью вернусь, дочитаю.

После его ухода газету читал Веслав. Чего только не узнавал он!.. Призывают жертвовать на «Правду». У редакции нет своей типографии, нужны средства... В правительство вошли десять министров-капиталистов. Долой их!.. Долой империалистическую войну!.. Товарищи, читайте газету вслух своим товарищам!

— Это правильно! — соглашался Веслав.

Газет не хватает, и надо, чтобы рабочие передавали друг другу правду, которую рассказывает «Правда». Он решил, что и ему надо читать мальчикам в гимназии на перемене газету.

Прочитав «Правду», Веслав складывал ее на бамбуковую этажерку и садился за уроки. К двум часам он должен быть в гимназии, на вечерних занятиях. Хотя какие там занятия! В классе у них все идет ходуном, как на митинге.

Теперь, после революции, время мчалось, казалось Веславу, с быстротой аэроплана. И он, ученик частной гимназии Лентовской, тоже мчался вслед за этим невероятным временем. за великими событиями семнадцатого года.

Однажды, то было в праздничный, пасхальный вечер апреля. приехали вдруг к отцу на двух извозчиках товарищи. («Товарищи по партии», — как говорила обычно тетя Юлия.) И сразу в доме началось такое! Каждый «товарищ по партии» приколот себе на грудь красный бант. Мама и тетя металась в поисках красных цветов. «Непременно красных». Веславу тоже приколотли к его курточке красный бант и дали цветок — держи!

— То твой червоный квяток! ¹

Веслав волновался больше всех. Он мастерил факел — строгал палку, наматывал на нее вату и бинт — и ужасно боялся, что опоздает.

Когда наконец все были готовы и покинули квартиру, по улицам уже двигались колонны. Чем ближе к вокзалу, тем гуще толпа, теснее строй. Шли заводы. Шли полки. Шли гвардейские экипажи.

В эту пасхальную апрельскую ночь Петроград встречал Ленина.

На всю жизнь запомнил мальчик все, что произошло там, на привокзальной площади. Два броневика, как два стража, у Финляндского. Команда: «На кра-ул!» Затем «Ура-а-а!», словно расколовшее площадь. Медный гром ударил из труб и тарелок. И факелы, как молнии, сразу озарили ночь. Веслав увидел океан людей. А посреди океана человек на броневике. И волны людские шумят у его бортов.

Вот какая была тогда весна! Но позже, когда уже наступило лето, все омрачилось. Тревожно становилось в доме. И тревожней стали страницы «Правды». Веслав по-прежнему читал газету и складывал на бамбуковую этажерку. Но однажды он прибежал домой, потрясенный неудачей.

— Папа, нет газеты! Совсем нет! — выкрикивал он. — Нигде...

— «Правда» не вышла, — мрачно сказал отец. — Напрасно бегал. Нашу редакцию разгромили вчера юнкера.

— Юнкера? Разгромили? — В детском мозгу Веслава вмиг все пришло в связь: недавняя летняя демонстрация в Петербурге, на которую его не пустили; угроза, что его исключат из гимназии, если он еще раз будет читать в классе большевистскую газету...

Вскоре появился товарищ Феликс. Так рано он никогда не приходил. И папа тут же стал рвать какие-то бумаги. А товарищ Феликс все звонил по телефону и все повторял одно и то же:

— Пора! Пора, пока не поздно!

¹ Это твой красный цветок!

Он был так печален, что Веслав сразу догадался, на кого похож сегодня товарищ Феликс: на рыцаря из книги Сервантеса!

Кончив разбирать бумаги, папа дал какой-то пакет маме: — Сохрани во что бы то ни стало!

Мама, высокая, тонкая, красивая, как-то сразу постарела, стала ниже, словно сгорбилась.

Веслав с ужасом смотрел на происходящее: все так похоже на то, что уже было однажды там, в Вильно, перед тем как арестовали папу.

Мама вздохнула и завернула пакет в наволочку.

— Думаю, на чердак... Там, кстати, белье висит...

— Мамочка, я, я это сделаю. Я пойду на чердак, — звался Веслав.

Товарищ Феликс посмотрел на него:

— Это правильно. Лучше, чтобы мальчик. Не так заметно...

— А «Правда»? — вспомнил Веслав. Он посмотрел на бамбуковую этажерку, и его словно резануло по сердцу.

Прежде чем старшие ответили ему, он сгреб с полок все газеты и запихал в наволочку.

Когда Веслав спустился с чердака, у подъезда дома заскрежетали тормоза грузовой машины. В квартиру вошли люди в военном. Они искали, выпрашивали, писали, потом ушли. А папу и товарища Феликса увели с собой.

То, что, казалось, никогда больше не повторится, произошло.

— Мама, но ведь теперь революция... Как же это? Ведь нет жандармов... Кто же эти?

Но мама только сжимала голову руками:

— Не успели!.. Не успели скрыться! Ни папа, ни Феликс... Что-то роковое... А Ленин?

Мама стала звонить по телефону...

А на другой день мама месила тесто. Веслав стоял в длинной очереди к фирменному магазину «Жорж Борман». Он достал две плитки шоколаду. Мать положила их вместе с испеченным хлебом в узелок. В тюрьму поехали на трамвае. Когда «сделали отцу передачу», Веслав отпросился

у матери в магазин «Прибой» — может быть, уже вышла «Правда»?

Домой он вернулся с добычей: вытащил из-за пазухи «Листок «Правды» и прочитал маме вслух:

— «Не имея возможности выпустить сегодня очередной номер «Правды», мы выпускаем «Листок «Правды». Завтра мы надеемся выпустить очередной номер «Правды».

«Листок» призывал:

«Товарищи рабочие, солдаты! Не поддавайтесь на провокацию».

Веслав прочитал все до конца и спрятал «Листок» в мешочек с мукой, из которой мама пекла для отца хлеб.

Наутро Веслав снова был на своем посту. Надо было достать «Правду» и спрятать — для папы. Когда он вернется, будет читать.

Но сколько ни ездил Веслав к далеким заставам Петербурга, все было напрасно. «Правда» не выходила...

Некоторые газетчики уже знали в лицо коренастого синеглазого паренька в очках, коротких летних штанишках и распахнутой курточке с хлястиком. То, что однажды сунул ему в руку газетчик — это опять было в воскресенье, — никак не походило на прежнюю, так хорошо знакомую Веславу газету партии. Ни по виду, ни по названию... Веслав нерешительно топтался на месте.

— Мне «Правду», — просил он. — Только «Правду»...

Но тут газетчик так подмигнул ему: «Она и есть. Гони гривенник и катись!» — что Веслав поверил ему.

Да, газетчик сказал правду. Это была прежняя «Правда». Но теперь она скрылась под названием «Рабочий и солдат».

Потом газета опять исчезла, и, казалось, бесследно. Прошел день, другой, и вдруг Веслав напал на ее след. Она появилась под названием «Пролетарий». Недолго жила газета — и пропала. Опять Веслав брел домой понурый, растерянный, с пустыми руками.

А затем «Правда» вновь всплыла. Уже спустя два дня газетчик закричал:

— Вышла новая газета «Рабочий». Кому газету «Рабочий»?

И опять оказалось, что это «Правда».

Так миновало лето и наступила осень. Большевики вырвались из тюрьмы. За отца Веслава внесли залог — две тысячи рублей керенками¹. Он приехал домой на извозчике вместе с товарищем Феликсом, который так исхудал в тюрьме, что еще больше стал походить на рыцаря из книги Сервантеса. Но печальным Веслав его уже не видел.

А газета партии выходила в это время без перерыва целых два месяца. Теперь она называлась «Рабочий путь».

И опять словно вернулась весна и начался ледоход (хотя стояла петербургская осень) — все вокруг пошло грохотать, крушить, ломать. Но теперь крушили уже не империю Романовых, не царя сбрасывали с российского престола, а Временное правительство. Пролетариат свергал буржуазию.

— В Смольном Ленин! — сообщил по телефону отец, который вот уже несколько дней как не был дома — он все время пропадал в Петроградском Совете. — Ленин в Смольном! Поняла?! — переспросил он.

И мама взволнованно повторила:

— Ленин в Смольном!

— Арестовано Временное правительство! — сообщил под утро по телефону папа. — Сегодня ночью арестовали всех в Зимнем. . .

Веслав тотчас вскочил с постели. Бежать! Бежать за газетой! Не упустить!

Было 25 октября 1917 года. Поздний петербургский рассвет. . . Мальчик бежал по пустынной улице, смутно ощущая значение этого дня. Он вернулся домой с газетой.

— «Открылся Второй съезд Советов!» — прочитал Веслав. И по привычке спрятал газету, еще не сознавая, что отныне ничего не надо прятать.

В следующий раз он принес уже «Правду».

«П Р А В Д А»
(«Рабочий путь»)

Так называлась теперь газета партии.

¹ Так назывались деньги правительства Керенского.

Вернулась! Вернулась «Правда»! Четыре месяца скрывалась, таилась под разными именами и вот снова вышла и на весь мир объявила, что в России свершилась Октябрьская революция. Во всю ширь первой полосы было напечатано:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО!
РАБОЧИЕ, СОЛДАТЫ, КРЕСТЬЯНЕ,
ВСЕ, КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК,
СТОЙТЕ ЗА ЭТУ НАРОДНУЮ ВЛАСТЬ!

— Свершилось! — сказала мама. И все повторяла: — Свершилось! Свершилось!

— Я сейчас пойду туда, наверх. Теперь ведь уже можно? — нетерпеливо спрашивал Веслав.

Он побежал на чердак, где с июльских дней вместе с отцовским архивом хранилась «Правда».

На следующий день домой пришел отец. Веслав сидел на полу и сосредоточенно разбирал революционные листовки, воззвания, газеты и складывал их — по названиям, числам. Последний номер «Правды» был от 10 ноября 1917 года по новому стилю.

Уже три дня существовала на земле власть Советов.

— Да у тебя тут настоящий партийный архив, Слава! — вскричал отец.

— Нет, он неполный. . . — огорченно заметил мальчик. Газеты я собрал все. А листовок и воззваний не хватает. Ты, папа, помоги мне их достать. . .

— Помогу, непременно помогу! — горячо обещал отец и по-мужски, как равному, пожал сыну руку.

* *

Весной восемнадцатого года молодое Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. Веслав с папой и мамой поселился в Кавалерском корпусе Кремля, на третьем этаже. Там жили народные комиссары, сотрудники секретариата Ленина. Отец Веслава, польский революционер Озовский, работал в Народном комиссариате юстиции. А Вес-

лав с осени стал учиться в Опытно-показательной школе имени старого большевика Пантелеймона Лепешинского, в Обыденском переулке, у Москвы-реки.

Как и все мальчики, ученики этой школы увлекались коллекционированием: кто собирал марки, кто монеты, кто бумажные деньги — керенки, карбованцы, царские ассигнации... Но Веслав Озовский по-прежнему собирал газеты, листовки, революционные рисунки.

Свой архив Веслав хранил теперь в отцовском книжном шкафу. Заходили иногда товарищи отца, перелистывали газеты, делали выписки, и каждый хвалил Веслава:

— Как ты все это сохранил! В каком образцовом порядке!

Вот однажды в связи с этим архивом и случилось в маленькой жизни Веслава большое событие.

Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину понадобились как-то номера «Правды», выходившие до Октябрьской революции. И тогда лишь выяснилось, что нигде — ни в Румянцевской государственной библиотеке, ни в самой редакции «Правды» — такого комплекта нет.

Ленин был озадачен. На очередном заседании Совнаркома он спросил:

— Товарищи, нет ли у кого-нибудь из вас комплекта «Правды» семнадцатого года? Не могу достать. А мне очень нужно для работы.

Все молчали. Вдруг с дальнего конца зала отозвался народный комиссар юстиции:

— Владимир Ильич, такой комплект есть.

— Где же?

— Да тут, в Кремле...

— Даже в Кремле! — обрадовался Ленин. — А мы ищем, ищем... У кого же, Петр Иванович?

— В Кавалерском корпусе. У одного мальчика.

— У мальчика?! — удивился Ленин.

— Да, Владимир Ильич, у сынишки Озовского. Это мой маленький друг. Я часто пользуюсь его архивом.

— Но откуда у мальчика архив? — все более дивился Ленин.

— Собирал с самого начала революции, когда жил в Петрограде. Целый клад накопил: и газеты, и листовки, и брошюры. Все сохранил; представьте себе, и притащил с собой, когда в Москву переезжали. Не мальчик, а ученый-архивист. . .

— Это поразительно! — восхитился Владимир Ильич. — А можно у него попросить комплект? Одолжит он мне свой клад?

— Ну разумеется! — рассмеялся народный комиссар. — Дает же он мне. А уж вам, Владимир Ильич. . .

Ленин записал имя юного владельца комплекта «Правды», и в тот же день в квартире старого большевика Озовского появилась сотрудница секретариата Ленина.

Анна Петровна Кизас жила в том же коридоре, что и Веслав. Часто поздним вечером заходила она к его матери «покурить».

Веслав сидел за отцовским столом и готовил уроки, когда вошла белобровая, с пронзительно светлыми глазами Анна Петровна.

— Слава, а ведь я к тебе пришла. . .

И Анна Петровна помахала перед лицом Веслава сложенной вчетверо запиской.

— Пожалуйста, Анна Петровна! — Веслав вежливо встал, отложил географическую карту, которую он срисовывал, и сквозь очки следил за движением мелькавшей у его глаз бумажки.

— Читай, «товарищ Веслав»! К тебе обращаются, «товарищ Веслав»! — словно затеяв игру, чеканила Анна Петровна слова. — Один товарищ просит тебя, «товарищ Веслав». . . — И Анна Петровна развернула сложенный вчетверо листок, ухватила кончиками пальцев за его края, поднесла к Веславиным очкам близко-близко: — Читай!

И Веслав Озовский прочитал записку товарища Ленина. Председатель Совнаркома просил товарища Веслава одолжить ему комплект «Правды» за 1917 год и обещал вернуть в целости и сохранности по первому требованию.

— Ну, я пошла к маме, покурю. . . — Анна Петровна вышла, то ли в самом деле потому, что ей хотелось курить, то ли для того, чтобы оставить Славу наедине с его волнением.

Когда она вернулась, Веслав уже достал из отцовского шкафа заветные комплекты, свернутые в трубки.

Зажав мундштук в зубах, щурясь от дыма, Анна Петровна стала складывать комплекты вместе. Веслав с опаской следил за дымящимся мундштуком. Он знал, что именно эта женщина стирала в тазу окровавленные бинты Ленина в ту страшную первую ночь после ранения. И потому мальчик всегда испытывал к Анне Петровне особое, трепетное чувство.

Но тут он решился и сказал:

— Анна Петровна, если искра попадет на газету. . . Вы не можете пока не курить? . .

— Резонное замечание! — Анна Петровна вытряхнула окурок, сунула мундштук в карман жакета и ушла с газетами под мышкой.

К Ленину «Правда» попала в тот же вечер. Он обрадовался, оживился, тут же стал перелистывать старые страницы. Ни одного пропущенного номера! Хотя так часты были перерывы в выходе газеты, хотя так часто меняла «Правда» свои названия. Чудо! Чудо чудесное!

— Даже если бы газета выходила аккуратно, и то следовало бы удивляться мальчишечьей настойчивости в достижении цели, — заметил Ленин. — А ведь тогда в Петрограде черт те что делалось. Свистопляска! Я и сам некоторых номеров не читал.

Обнаружив в комплекте экстренные вечерние выпуски — три исторических листка, отпечатанных лишь на одной стороне и выпущенных партией в дни, когда царский генерал Корнилов поднял против революции мятеж, Ленин даже руками всплеснул.

— Страда! Настоящая страда! Особенно для такого паренька. И это сделали не наши товарищи, взрослые, политически сознательные, политически опытные люди! Сделал мальчик! Слава Озовский. Подлинно, слава ему!

А затем Ленин перешел к делу.

— Нельзя же, чтобы у Советского государства не было

комплекта партийной газеты тех дней. Надо что-то предпринять.

Тут кто-то заметил, что сынишка Озовского отдаст, разумеется, Владимиру Ильичу свой комплект.

— Категорически протестую! — Ленин возмутился. — Лишать паренька такого сокровища! Уж раз мы оказались такими растяпами, что вовремя не подумали об этом, нечего пользоваться детским трудом. Да, да, не будем грабить политически сознательных ребят! — И Ленин спросил: — А нельзя ли сделать фотокопию с этого комплекта? Вот в Британском музее фотографируют документы, редкие издания. Я сам пользовался ими в свое время.

Но, увы, в те трудные для молодой Советской республики времена невозможно было изготовить у нас фотокопии газет.

— А если заказать за границей? — Ленин прищурил глаз.

— Но где? В какой стране? Мы одиноки в мире, мы со всех сторон окружены врагами, враждебными государствами.

Выход был все же найден. Проживал в то время в Австрии польский коммунист товарищ Бронский. С ним списались, и он взялся за дело.

— Но, прежде чем отправлять единственный комплект за границу, в другую страну, надо все же получить разрешение у владельца, — заметил Ленин.

И вот школьник Веслав приглашен к народному комиссару юстиции Петру Ивановичу Стучке. Петр Иванович с женой проживают на третьем этаже Кавалерского корпуса, и комната их обставлена так же, как у Озовских: круглый стол, ширмы, пузатый, времен Екатерины, комод, белые, с золочеными ножками стулья, тусклые зеркала. А простенки заполнены книгами. Стеллажи поднимаются до потолка. Книги — единственное имущество, которое революционеры привезли с собой в Кремль. В этой комнате с невысокой перегородкой живет отважный сын латышского народа, седой великан Стучка, и его жена, спокойно-величавая Дора Христофоровна, сестра латышского поэта Райниса.

Когда бы Веслав ни заглянул к этим людям, они всегда за книгой. Вместе с ними мальчик погружается в этот увлекательный мир. Стучки руководят его чтением. Они явно нерав-

нодушны к серьезному не по летам мальчику. И так любовно помогают его духовному развитию.

Но сегодня разговор шел не о книгах.

— Слава, как ты посмотришь вот на какое дело, — обратился к нему нарком. — Нужно твой комплект, который ты одолжил Владимиру Ильичу, послать за границу, в Вену. Там его сфотографируют, и у Ленина тоже будет комплект — фотокопия с твоего. Владимир Ильич спросил меня: «Как вы полагаете, ваш маленький друг даст разрешение?»

«В Вену? Это — Австрия... Буржуазная страна. Там капитализм... А вернется все обратно?» — возникали в смятенном, встревоженном мозгу школьника вопросы. Но он не задавал их.

— Да, я разрешаю, Петр Иванович, — ответил Слава.

А потом, когда уже свыкся с мыслью, что не скоро вернется к нему его сокровище, Веслав стал расспрашивать:

— А как делают фотокопии? Каким способом фотографируют газеты? Так же, как человека? Ну, какой будет снимок? Маленький, как фотокарточка? Или такой же большой, как газета?

— Это будет микрофотография, — объяснил нарком. — Ее читают с помощью лупы.

— С помощью лупы? — удивился Слава.

После этого разговора прошло немало времени. Веслав ждал, не выдавая тайной тревоги, вернется ли когда-нибудь к нему комплект. И когда уже отчаялся, «Правда» вернулась. Она вернулась к своему маленькому хозяину. Но в каком виде!

Сначала на большой отцовский стол лег толстый том в тугом, новом переплете. Затем, поверх него, легли тома потоньше, поменьше. Все издания «Правды» семнадцатого года, выходявшие под различными названиями, были отлично переплетены — каждый выпуск отдельно.

— Владимир Ильич распорядился, чтобы твое сокровище переплели. Вот и получай! — Анна Петровна похлопала рукой по новым, отливающим глянцем переплетам. И напоследок подала Веславу еще один том, поменьше размером. — Это тебе премия! За твои заслуги! — Анна Петровна замор-

гала загадочно своими белыми щетинистыми ресницами и занялась мундштуком.

Веслав раскрыл том — это оказались микрофотографии газетных страниц «Правды».

— Тут снимки наиболее интересных номеров, — пояснила Анна Петровна. — Вот посмотри первую фотокопию. . .

Веслав стал читать мелкий фотографический оттиск на толстом картоне: приезд Ленина в Петроград. . . И вспомнил апрельскую ночь и свой маленький факел, горевший там, на площади у Финляндского. . .

Потом к Веславу в квартиру прибежали товарищи — мальчики из Кавалерского и Офицерского корпусов Кремля, из Потешного дворца и Белого коридора. . . Все толпились за его спиной, стараясь прочесть фотографический текст.

Когда всё прочитали, всё осмотрели, то обнаружили на внутренней стороне переплета маленькую наклейку. Латинскими буквами там было обозначено: «Бухбиндерлей С. Вильскер, Вин 8. Альбертгассе, 26».

То был адрес переплетной мастерской в восьмом районе города Вены, на улице Альберта.

— А где же адрес фотографии?

Искали, искали. . . Его не было.

— Значит, «Правду» фотографировали секретно, — понял Веслав.

И его воображение было взволновано тайным путешествием «Правды» в капиталистическую страну. Прежде, еще до Советской власти, он скрывал ее на чердаке в Петербурге. А теперь, уж после революции, она опять скрывалась где-то в городе Вене. . . Может быть, тоже на каком-нибудь чердаке?

* * *

Но на этом не кончились замечательные события в жизни Веслава Озовского. Летом в Москве собрался конгресс Коммунистического Интернационала. Со всего мира съезжались в Кремль революционеры. Тайно, под чужими паспортами, под вымышленными именами, рискуя свободой и даже жизнью, пробирались они кружными путями в столицу Советской республики.

— Папа, я так хочу их увидеть! — сказал Веслав. — Достань мне билет на конгресс.

— Ты еще мальчик! — отмахнулся отец. — Конгресс Интернационала — не парад на Красной площади.

Веслав насупился. И отца — в который раз! — поразило не по летам вдумчивое, сосредоточенное выражение сыновнего лица.

Веслав пошел к Стучкам.

— Петр Иванович, нельзя мне достать билет на конгресс? Только на одно заседание. Когда будет говорить Ленин... Пойти один раз... — смущенно говорил он.

— Ты еще не дорос... — отвечал Стучка словами папы. — Вот вырастешь, вступишь в партию — я сам дам тебе рекомендацию — и пойдешь на конгресс...

Веслав смутился и ушел.

«Не дорос!... — сам с собой по-мужски разговаривал он. — А когда газеты в Петербурге собирал, был еще меньше... Не дорос!»

Он достал из отцовского бювара бумагу, конверт, сдвинул в сторону книги, взятые у Стучки (вот уж который день увлеченно читал он вперемежку Туна «Историю революционного движения в России» и «Андрея Кожухова» (Степняка-Кравчинского), раскрыл свой пенал и вооружился ручкой с пером «рондо».

«Не дорос»... — все еще повторяла в сердце Веслава обида, а рука уже вывела строчки столь важного и решающего письма: «Дорогой товарищ Владимир Ильич! Простите, что я вам мешаю, когда вы так заняты. Я очень хочу пойти на конгресс Коминтерна, чтобы услышать ваш доклад и увидеть революционеров из разных стран капитала. Я просил папу и товарища Стучку дать мне билет, но они отвечают, что я еще не дорос. Владимир Ильич, я ведь не виноват, что медленно расту. Мне уже 14 лет. Прошу вас дать мне билет. Ученик МОПШК Веслав Озовский».

Слава заклеил конверт и подписал:

*Председателю Совнаркома и вождю Третьего
Интернационала тов. ЛЕНИНУ.*

Раздумав сдать письмо в будку у Троицких ворот, где принимали почту для Ленина, Веслав рано утром постучался к Анне Петровне Кизас.

Сотрудница секретариата Ленина так заговорщически заморгала своими жесткими щетинистыми ресницами, что Веслав уверовал в удачу.

Но миновал день, за ним второй. Ленин не ответил. Был уже поздний вечер. Веслав лежал в постели за тяжелыми фрейлинскими ширмами с плотным, некогда зеленым и уже давно выцветшим кретоном, но уснуть не мог.

«... Неужели Ленин совсем не ответит? А папа говорит, что Ленин отвечает на все письма. Как же так? Значит, не хочет дать билет? . . .»

Такая мысль была невыносима.

А конгресс открывается завтра. Скоро полночь. Вот, как всегда в это время, уже пришел фельдъегерь, который доставляет правительственные пакеты. Из-за ширмы Славе видно, как отец, отложив бумаги, достал перо, чтобы расписаться в получении пакета.

Веслав лежит на спине, сцепив под головой пальцы рук. Упрямый вихорок над мальчишеским лбом отбросил на стену забавную тень. И вдруг рядом возникла другая, огромная тень. Прежде чем Веслав понял, что случилось, прежде чем он услышал недоумевающее восклицание отца: «Веславу? Славе?» — за ширму, к самой постели уже ступил самокатчик, кожанный гигант с мужественным лицом, обрамленным шлемом.

— Веслав Озовский? — справился гигант, сверился с конвертом и оторвал от пакета приклеенный листок. — Распишитесь!

От неожиданности мальчик никак не мог припомнить, куда положил очки. Он озирался вокруг себя растерянным взглядом близорукого, шарил под подушкой. Очки оказались на пузатом комодe, гигант увидел их, подал мальчику, получил расписку, и тень со стены исчезла вместе с гигантом.

В руках у Веслава остался конверт. В нем оказалась записка на бланке Председателя Совнаркома. Ленин просил секретариат конгресса Коминтерна выдать товарищу Веславу Озовскому, 14 лет, гостевой билет на все заседания кон-

гресса. Ленин отмечал, что, несмотря на очень молодые годы, Слава политически вполне сознательный и в свое время даже оказал ему большую услугу.

— Ты писал Ленину? — спросил папа.

— Ты нам ничего не сказал! — удивилась мама,
Сын молчал.

На следующий день Веслав стоял в большой комнате Большого Кремлевского Дворца перед высокой, худой, строгой женщиной с очень суровыми глазами. О ней говорили, что у нее в жизни насчитывается столько побегов из тюрем и ссылок, сколько лет она состоит в партии. Невольно робея перед таким товарищем, Веслав протянул конверт со штампом предсовнаркома.

Женщина прочитала записку Ленина и гневно посмотрела на юного подателя.

— И не стыдно тебе отнимать у Ленина время? С такими глупостями пристаешь. . . Пришел бы прямо ко мне, я бы дала тебе билет. Так нет же, пишет, Ленину пишет! . .

Она отвернулась, негодуя, и коротко сказала молодой сотруднице:

— Гостевой, именной, постоянный.

Веслав ждал молча, потупившись. Но, когда он, наконец, получил гостевой билет с яркой полосой наискось, в котором были проставлены четко — каждая буква отдельно — его фамилия и даже его имя-отчество, — он не сдержался и высказал все-все, что так наболело в нем за эти дни:

— Простите, товарищ. Конечно, я не должен был писать Ленину и мешать ему. Но ведь. . . если бы я пришел к вам просить билет, то вы бы мне не дали. Вы бы сказали, что я еще не дорос. . .

— А пожалуй, и так! — неожиданно рассмеялась суровая женщина. — Пожалуй, прав! Не дала бы!

* *

Вечером Веслав сидел в Тронном зале Кремлевского Дворца и слушал доклад Ленина на конгрессе III Интернационала. В перерыве Веслав стоял в конце белой дворцовой

лестницы и, прижавшись к перилам, смотрел, как Ленин, окруженный революционерами разных стран, спускается по мраморным ступеням. Рядом с Лениным шла Крупская, спрятав руки в глубокие карманы очень длинного, до коленей, жакета. Под вспышкой магния вдруг сверкнули ее глаза. Крупская зажмурилась и застенчиво отвернулась.

Среди революционеров, окружавших Ленина, Веслав вдруг узнал человека, лицо которого запомнил на всю жизнь. Того самого, который однажды там, в Петербурге, пришел к тете Юлии под видом пациента с острой зубной болью. Теперь этот человек прошел мимо Веслава, даже не скользнув по нему взглядом. В подростком мальчике он не узнал того, в чьей комнате за шкафом нашел когда-то приют на одну ночь... И Веслав не знал, что это тот самый товарищ из Вены, который фотографировал его «Правду». А Ленин своим зорким глазом уже разглядел за головами отважных революционеров, собравшихся со всего света, невысокого, коренастого мальчика в очках.

— Догадываюсь, это и есть наш славный архивист, — сказал он Надежде Константиновне. — Маленький владелец уникального комплекта.

Поравнявшись с Веславом, Ленин чуть наклонил голову:

— Здравствуй, Веслав! Как поживает твой архив? Ах, ты уже новый собираешь? Революционные рисунки? Замечательно! Такой интерес к документам характерен для ученого. Ты кем хочешь быть? Ученым?

— Я хочу быть революционером! — отвечал Веслав.

— Ну, это лучше всего! Это многих славный путь! — горячо откликнулся Ленин. И сочувственно, словно сообщник, посмотрел на коренастого, крутолобого, светлоголового мальчика. — Да, рано взрослеют дети в наше революционное время. Рано...

* *

Прошли годы. Уже никого из тех, о ком рассказано здесь, не осталось в живых.

Но, спустя десятилетия, по следам исторических событий явились в скромную квартиру в одном из кривых московских

переулков сотрудники Института Ленина и музея. Внучка двух польских революционеров (их прах давно покоится в кремлевской стене и на Новодевичьем), очень молодая мать, пепельноволосая, синеглазая Ванда Веславовна раскрыла перед сотрудниками сокровища большого фибрового сундука. На свет были извлечены реликвии: письма, записки, фотографии...

На дне сундука хранились переплетенные комплекты — «Правда», «Рабочий путь», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», вышедшие в Петрограде перед Октябрьской революцией и собранные некогда ее отцом, мальчиком Славой.

Том фотокопий самых замечательных страниц дооктябрьской «Правды» дочь Веслава Озовского хранила отдельно.

Страницы запечатлели приезд Ленина в Россию. Декрет о земле. Декрет о мире. Сохранилась даже наклейка — адрес австрийского переплетчика Вильскера на улице Альберта в восьмом квартале города Вены...

Пристально всматривались сотрудники Института Ленина и музея в пожелтевшие поля газетных полос. Нет ли на них пометок, сделанных ленинской рукой? Но нет, пометок Владимира Ильича не обнаружили. Да их, вероятно, и не было. Не станет Ленин делать пометки на полях такого редкого комплекта.

Но пристальный взгляд сотрудника все же обнаруживал то на одной, то на другой полосе чуть заметные карандашные знаки. Здесь вот галочка, тут черточка, там точка. Кто их поставил? Кто так осторожно водил тонким карандашом? Ленин? Может быть...

В ДЕТСКИХ БОТИНКАХ

Есть в Москве, в Политехническом, лесенка. В коридорчике, под трибуной. На ней встречают известных ораторов. Поджидают любимых поэтов. Приветствуют знаменитых актеров. Выпрашивают автографы. Заветная лесенка...

Там всегда толпится молодежь.

Там весной восемнадцатого года стоял юноша, стремительный и бурный, как весенняя река в половодье. Он стоял на самой нижней ступеньке и поджидал... Кого?

А неподалеку, прислонясь к стенке, стоял Филипс Прайс, английский корреспондент. Стоял и наблюдал...

Русская революция была еще совсем молодой. Год, как в России свергли царя. Столицу пролетарской республики перенесли в Москву. Правительство Советов только-только приехало из Петрограда. Московские гостиницы спешно отводили под резиденцию. Ленин жил еще не в Кремле, а в номере гостиницы «Националь», которую позднее именовали «1-й Дом Советов». Таких «Домов» в Москве было пять.

12 марта, в первую годовщину свержения русской монархии, Ленин появился в Политехническом, на заседании Московского Совета. Москва впервые увидела вождя революции. Москва смотрела на Ленина и слушала.

Он шел к трибуне — невысокий, коренастый, лысоватый, с рыжеватой бородкой и сияющим куполом громадного светлого лба, под которым светились небольшие, острые, все замечающие глаза. Рядом с Лениным, очень легко, словно в беге, двигался низкорослый, худощавый, складный человек с антрацитово-мерцающими, словно лихорадочными глазами на худом, синевато-смуглом лице. Интеллигент в пенсне и черной кожанке, подбитой алой фланелью. Ленин и Свердлов. Председатель Совнаркома и Председатель ВЦИК. Руководители первого правительства первого государства Советов.

Они были знакомы не так давно. Ленин встретился со Свердловым впервые в Петрограде, уже после возвращения из эмиграции. До того годы и годы Ленин жил в изгнании, а Свердлов в неволе. О таких, как Свердлов, говорили, что они на воле квартируют, а в тюрьме и ссылке проживают, что у них прописка на воле временная, а в тюрьме и ссылке — постоянная. И еще говорили, что Свердлов знает подпольную партию большевиков лично, в лицо!

Теперь они были рядом: создатель самой революционной на земле партии — Ленин и профессиональный революционер — Свердлов.

Была годовщина Февральской революции. Одинокая, безоружная стояла молодая пролетарская республика перед миром империализма. Германская военщина диктовала в Бресте унижительные условия. Ленин впервые стоял на московской

трибуне и горячо, пророчески убеждал, что революция преодолет все трудности и «не останется места ни для отчаяния, ни для уныния».

После заседания Ленин и рядом с ним Свердлов спускались с трибуны. Внизу, на самой последней ступеньке заветной лесенки, и подстерег Ленина юноша — высокий, тонкий, остролицый, восторженно-нервный, в гимназической шинели и барашковой папахе солдата русско-германской войны.

— Товарищ Ленин, я записал вашу речь и сейчас прочитаю вам, — смело обратился он к Председателю Совнаркома и, не дожидаясь разрешения, стал звонко читать свою запись.

— Вы кто? — остановил его Ленин.

— Репортер «Вечерней»...

— Вы знаете стенографию?

— Нет. Мне это не нужно.

— Как же вы записывали? Ведь это трудно без стенографии записывать речь...

— Вашу нетрудно. У вас, товарищ Ленин, все понятно. Только... — досада искривила юношеский, полудетский рот, — только у меня нет начала.

— Почему же речь без начала?

— Не успел записать.

— Опоздали?

— Нет, что вы, товарищ Ленин! Я пришел, еще никого не было, еще не впускали. Но я вас увидел сегодня в первый раз, я представлял себе вас совсем другим и так удивился, когда вы вышли, и все смотрел. Вы уже начали речь, а я все еще смотрел и забыл, что надо записать, а когда спохватился, было поздно, и начало я пропустил... А мне сегодня в газету сдавать отчет.

Свердлов захохотал, закашлялся и сочувственно положил руку на плечо юноши.

— Товарищ Ленин, — ничуть не смущаясь, продолжал репортер, — я сейчас прочитаю, что успел записать, а вы мне скажете, что надо в начало, — я немного пропустил...

И он снова звонко стал читать свою запись.

— Покажите, как вы записываете. — Ленин взял у парня его репортерский блокнот, взглянул на первую страницу.

— По чистописанию у вас была единица?— быстро спросил он. — Какие каракули! — И так же быстро, как спросил, Ленин оглядел парня, его солдатскую с барашком папаху, гимназическую шинель с тусклыми, до меди стертymi пуговицами. — Вы учитесь?

— В пятом классе Ломоносовской гимназии. Но ушел. Сейчас не учусь.

— А почему? Почему не учитесь?

— Решил делать революцию.

— Ну, и как же вы ее делаете? — Ленин переглянулся со Свердловым, который не скрывал своего восхищения восторженным, энергичным парнем.

— Я секретарь подрайона пролетарской молодежной организации.

— Сколько в организации членов? — сразу заинтересовался Ленин.

— Было две тысячи! — гордо объявил, словно отрапортовал, репортер. — Но у меня в тетради галочки.

— Галочки? — не понял Ленин.

— Да, против фамилий выбывших. У меня в тетради списки всех членов организации. А кто выбыл, я ставлю галочку. Вот галочек очень много. В подрайоне уже многих нет...

— Где же они?

— Триста ребят вступили в Кремлевский артиллерийский полк! — рапортовал юноша.

— Так. Триста. А остальные?

— У нас в подрайоне есть студенты. Они пошли в школы. Преподавать математику. Вместо саботажников.

— Вот это замечательно! — восхитился Ленин. — Какое, Яков Михайлович, а? Студенты из молодежной организации заменили саботажников! Математику преподают! Сколько их?

— Двадцать!

— А вам, молодой товарищ, сколько лет? — неожиданно заинтересовался Ленин.

— Уже шестнадцать!

— И вы руководите пролетарской организацией молодежи?

— Нет, я секретарь подрайона. А председатель — ученик седьмого класса.

— Выходит, рабочей молодежью руководят ученики? Гимназисты? — Ленин прищурился, насторожился.

— У нас руководили рабочие ребята. Вот Егор Пищев с «Цинделя». Это очень большая текстильная фабрика, товарищ Ленин.

— Слышал, слышал про «Циндель». — Ленин улыбнулся.

— Еще у нас руководил Попов, и Лапин руководил. Когда наши брали Александровское училище, Лапин участвовал в бою. Это на Арбатской площади. Там в октябрьские дни шли такие бои. Юнкера засели в училище. И Лапин дрался с юнкерами. Он был потом нашим руководителем. Вообще, товарищ Ленин, у нас в подрайоне очень много рабочих-подростков. Они уже по два года на производстве, мы же должны защищать их пролетарские интересы! Но у нас нет освобожденных секретарей. И председатель тоже не освобожденный, так что мы еще и работаем.

— Значит, средства к существованию вам дает репортерская работа? — Ленин все более подробно вникал в положение дел.

— Да. А все свободное время я на молодежной работе. В газете мы тоже должны защищать пролетарские интересы подростков на производстве...

— Совершенно верно! — согласился Председатель Совнаркома. — Но чтобы быть журналистом, надо много знать. А у вас тут вот, вижу, ошибки. — Он ткнул пальцем в репортерский блокнот, который все еще держал в руке. — С орфографией неладит! Вам еще надо учиться.

— Товарищ Ленин, когда мы закончим революцию, я пойду учиться.

— А революция закончится когда? Вы полагаете, через неделю? — Ленин хитро прищурился.

Юноша ничего не ответил.

— Полюбуйтесь, Яков Михайлович, какие у нас журналисты! — покачал головой Ленин. — В каких детских ботинках мы еще ходим!

Репортер невольно посмотрел на свои ботинки с обмотками.

— Нет, не об этих ботинках речь, — печально заметил Ленин. И снова обратился к Свердлову: — Придется, Яков Михайлович, уделить немного средств молодежи. Пусть у них будет освобожденный работник. Прошу вас лично заняться этим.

— Уже! — выговорил своим глубоким низким басом Председатель ВЦИК, который обладал удивительной способностью предугадывать мысли Ленина и часто предварял его распоряжения, встречая их кратким, успокаивающим: «Уже!»

Свердлов достал свою знаменитую записную книжечку, которая порой заменяла целый секретариат, учетный отдел и отдел партийных кадров, и, с нежностью глядя сквозь овал пенсне на юношу своими антрацитовыми глазами, спросил его фамилию, имя, быстро записал. Потом спрятал книжку во внутренний карман и застегнул на все пуговицы свою двубортную кожанку.

— Вашу запись, молодой товарищ, я возьму с собой, — сказал Ленин. — Зайдите за нею часа через два в «Националь». Внизу, в комендатуре, получите ее вместе с началом. До свидания!

Юноша тотчас ушел. Филипс Прайс, наблюдавший все происходившее, тоже куда-то отодвинулся. Но прежде чем он захлопнул свой блокнот, Ленин успел заметить рисунок, сделанный Прайсом. На белом листке три головы — Ленина, Свердлова и паренька в солдатской папахе... Вместе со Свердловым Ленин пошел к выходу и все покачивал головой:

— В каких детских ботинках мы еще шагаем... А шагать-то ведь далеко! Ох, как еще далеко!

И, взглянув вслед уходившему вперед репортеру, у которого размоталась обмотка — конец ее волочился по полу, Ленин вдруг повеселел:

— Но такие, как этот, хоть и в детских, невозможно детских ботинках, а, видать, шагнут далеко, очень далеко. Эти не останутся!

Революция была молода, шагала порой в детских ботинках и переобувалась на ходу.

РАССЫЛЬНЫЙ „БЕДНОТЫ“

Володя шел по Троицкому мосту в Кремль. Пропуск он держал в руке, а руку в кармане, где лежали письма для Ленина.

Под мостом, перекинутым между двумя кремлевскими башнями — Троицкой и Кутафьей, шумел Александровский сад... Заросшие аллеи тянулись направо, до Боровицких во-

рот, и поднимались налево, к угловой Арсенальной башне. За нею, там, в тесноте домов, соборов, арочек, часовенок, начиналась Красная площадь.

Высокие кроны деревьев достигали моста, и Володе казалось, он шагает по их зеленым вершинам. Шумно, словно их спугнули, срывались вдруг с ветвей птичьей стаи и уносились к высоким шпилям башен, где, зловеще растопырив черные крылья, вращались кованые орлы. Володе казалось, он тоже взлетает вслед за быстрыми птицами. Ведь он шел к Ленину.

Володе минуло пятнадцать лет. Он просился в Красную Армию. «Место мужчины в такое время на фронте. Надо бить контру, и никаких!»

Но Володю в армию не взяли.

— Рано. Еще мальчишка...

Этот оскорбительный ответ ранил его самолюбие.

Володя служил рассыльным в редакции «Бедноты». Редакция помещалась в тихом Ваганьковском переулке. В больших комнатах барского особняка, занятого под редакцию, — канцелярские столы. В столах — бумага, рукописи, письма. Под столами, в проволочных корзинках, — рукописи, письма, бумага. В шкафах, на этажерках — бумага. Володю посылали в учреждения, он носил туда бумаги и приносил оттуда бумаги. И так каждый день...

«Бумага вместо оружия... — размышлял он над своей пятнадцатилетней судьбой. — Обидно...»

Но сегодня в жизни юного рассыльного произошло событие. Сегодня в «Бедноту» позвонил Ленин и просил срочно доставить к нему то письмо, о котором говорил ему вчера редактор.

Речь шла о письме владимирского крестьянина Чекунова. Он сообщал в «Бедноту», что в его деревне кулаки пролезли в сельсовет и землю между крестьянами поделили несправедливо.

— Ильич интересуется также другими письмами крестьян о земле, — проговорил своим скрипучим голосом сутулый, в очках, с каштановой бородкой, уже немолодой редактор, которого Ленин хорошо знал по эмиграции. — Отберите, Маргарита Владимировна, интересное...

Маргарита Владимировна Ямщикова, известная писательница, прибыла в Москву вместе с группой работников военной организации. Теперь эта чрезмерно полная женщина, с оплывшим лицом, но молодыми, очень ласковыми глазами и живыми, несмотря на полноту, движениями, ведала в редакции отделом крестьянских писем. Она положила на стол сложенное треугольничком письмо крестьянина Чекунова для Ленина. Затем она порылась в папках и показала редактору несколько писем, написанных вкривь и вкось, мусоленным карандашом, водянистыми чернилами, на оберточной бумаге, тетрадных листках и на оборотной стороне конторских счетов.

Так выглядели тогда письма из русской деревни.

Пока редактор просматривал все это, Маргарита Владимировна вызвала рассыльного, показала ему на треугольничек письма Чекунова и просила подождать, пока редактор просмотрит остальные письма. А сама занялась важным делом. Ямщикова вкалывала очередной флажок в огромную карту России с ее прежним административным делением на уезды, губернии...

С первого взгляда казалось, что это карта военных действий. На самом деле флажки наглядно показывали, из каких губерний и уездов прибывают в «Бедноту» письма.

Молодого рассыльного просто смешила возня с флажками, которую затеяла Маргарита Владимировна. Володя преклонялся перед этой женщиной, работавшей в дни Октября в «Военке» (как именовали коротко Военную организацию большевиков) и писавшей романы под мужским именем «Ал. Алтаев». Он зачитывался ее книгой «Под знаменем башмака» и никак не мог взять в толк, почему писательница, которая умеет сочинять такие чертовски интересные истории, корпит над письмами, разбирая каракули, правит их. А в этих письмах, он уже знает, все одно и то же — про землю, семена, лошадей...

Эх, вздыхал Володя, дали бы вот ему лошадь да пустили бы на фронт, он бы с фронта такие письма писал... Вот тогда было бы что вкалывать в карту! Потому что флажок надо вкалывать там, где побили белых. Все другое — чепуха!

Так рассуждал обычно Володя, у которого по всякому поводу было свое особое мнение. Он не мог примириться со своей

пятнадцатилетней судьбой, которая сложилась так, что он все еще не на фронте и корпит в редакции.

— Мыслит паренек самостоятельно, — замечали старшие сотрудники редакции, — но в корень еще не смотрит.

Вдруг сегодня обычные вот эти мысли Володи осеклись. Оказалось, Ленин потребовал крестьянские письма, и сейчас Володю пошлют с этими письмами к Ленину...

— Как жаль, что мы не имеем возможности все это перепечатать на машинке... — сокрушалась Ямщикова. — Приходится посылать Владимиру Ильичу письма вот в таком виде...

Она сложила старательно все, что редактор отобрал для Ленина, и отдала Володе:

— Живее! Пропуск уже заказан!

Рассыльный вскинул мятый картуз на кудрявую голову, сунул письма в карман ветхой солдатской шинели с чужого плеча и помчался в Кремль через Ваганьковский, Воздвиженку и дальше, мимо зеленой чащи боярской усадьбы, еще таившейся за белокаменной оградой. Ветер развевал Володину шинель, как плащ.

В Троицкую башню Кремля Володя вошел через калитку, вделанную в чугунные ворота. Темный свод уходил высоко вверх, в мрак. Пахло сыростью, тленом. Все было древним, погруженным в века. Только два курсанта были совсем молодыми, с ясными лицами, светлым взглядом. Один шагал вдоль стены, другой проверял пропуска.

«Черт возьми! — досадовал молодой рассыльный. — Ненамного меня старше, а уже курсант и при винтовочке, Кремль сторожишь, меня проверяешь...»

Володе очень хотелось поменяться с курсантом судьбой: ведь шагать тут с винтовкой в руке (пусть и не на фронте) все же лучше, чем разносить бумаги. Но, сообразив, что сейчас он, рассыльный, войдет к Ленину, а не этот курсант, Володя уже раздумал меняться.

Часовой вернул пропуск, и рассыльный ступил из мрачной башни на солнечный плац Кремля. Слева, вдоль желтых, осыпающихся стен арсенала, выстроились пушки, пушечки, пушечки, отбитые у Наполеона. Лафеты заросли травой, стволы

длинными хоботами уткнулись в землю. Орудия словно отвешивали Володе земной поклон. А он шагал мимо них старательным строевым шагом.

Отовсюду мчались машины с обшарпанными боками, брезентовым верхом, слюдяными окошечками; они возникали у Спасской, у Чудова, у жилых корпусов — Кавалерского, Потешного — и пропадали где-то за аркадой Белого коридора.

Справа толпились дворцы, терема, палаты, соборы, колокольни с тускнеющими куполами. Особняком, в отдалении, как и подобает, стояли «цари»: нестреляющая пушка, незвонящий колокол и мозаичные, словно отрубленные, головы «монархов» в гранитной галерее над кремлевским откосом.

Там, на площади, где запад, застыла история.

Рассыльный шел прямо на восток, к высоким зданиям, где история творилась. Он достиг светлого корпуса ВЦИК и Совнаркома. Огромный красный флаг на куполе боролся с ветром. Снова часовые проверяли пропуск. А впереди юного рассыльного на всем его пути по длинным коридорам шагала девочка с портфелем в руке. Володя различал белый воротничок на черном платье, косы, уложенные на затылке... И ему непонятна и досадна была быстрота, с какой часовые пропускали эту девочку, почти не заглядывая в ее пропуск, и на тщательность, с какой они проверяли пропуск рассыльного «Бедноты», посланного к Ленину с важными письмами русских крестьян.

Девочка уже исчезла за поворотом, а Володя все еще шагал под узкими сводами коридора. На полу, по которому он ступал, извивались змеями провода. У стен стояли конторки, столики, ящики, аппараты... Все походило скорей на военный штаб, чем на резиденцию правительства. И это волновало пятнадцатилетнее сердце рассыльного.

Наконец Володе показали нужную ему дверь, и он собрал все свое мужество, чтобы спокойно отворить ее. Ведь за этой дверью работает Ленин. Сейчас Володя увидит его и скажет: «Товарищ Ленин, я принес письмо Чекунова и другие письма крестьян о ходе аграрной революции в деревне».

Хорошо бы все так сразу и выговорить!..

Рассыльный открыл дверь. Прежде чем он понял свое заблуждение, у него уже отобрали письма и унесли к Ленину. А ему велели подождать.

Большая комната, в которой ждал Володя, была не кабинетом Ленина, а его секретариатом. Когда Володя вошел сюда, кто-то громко, на всю комнату, сказал: «Мария Игнатьевна, пришли из «Бедноты»!» Его поразило, что та, которую звали Марией Игнатьевной и которая молча, ни о чем не спрашивая, забрала у него письма и унесла к Ленину, оказалась той самой девочкой с портфелем. Володя узнал и косы на затылке, и белый воротничок на платье. Но это была не девочка, а очень взрослая девушка в пенсне, намного старше Володи. Тяжелая болезнь остановила ее рост.

Но еще больше, чем это, его поразило лицо Марии Гляссер. Володя думал, что такие лица существуют только на страницах романов. Прозрачное, с тонко выточенными чертами и страдальческими глазами. Высокий лоб прорезала ранняя борода. Рот сжат в немой печали. Лицо подвижницы.

Да, не он, а девушка с таким лицом должна входить к Ленину вон в ту заветную дверь, решил Володя.

Вдруг та дверь открылась, оттуда вышла Мария Гляссер, а вслед за нею Ленин.

— Это вы товарищ из «Бедноты»? А где же письмо Чекунова?

Низкие лучи закатного солнца уже прорезали комнату. К молодому рассыльному подошел Председатель Совнаркома.

— Письмо Чекунова? — ужаснулся Володя. — Разве я не отдал его?

— Письма Чекунова я тут не вижу. — Ленин разжал руку и показал всю пачку писем.

Володя полез рукой в карман ветхой шинели, нащупал там бумагу и вынул ее. То оказался пропуск в Кремль. Он снова сунул руку в карман, в другой — письма не было. Он распахнул шинель — может быть, оно в кармане брюк?

— Вы почему там ищете? — Ленин показал рукой на карманы. — В чем вы носите письма?

— В кармане...

— Просто в кармане? — удивился Ленин. — А почему не в сумке?

— Это женщины ходят с сумками...

— Женщины? — повторил Ленин. — А солдаты? Вот у нас, в Совнарком, самокатчики развозят правительственные пакеты только в сумках.

Володя молчал, напряженно ожидая, что будет дальше.

— Вас как зовут? — неожиданно заинтересовался Ленин.

— Володя...

— Гм-м... — Ленин искоса посмотрел на рассыльного-тезку, словно примерял к нему подходящую форму обращения, и справился: — Скажите, молодой товарищ, а сколько всего писем послала ко мне редакция?

— Я не считал... Сколько дали, я все принес.

— А там, у себя, когда взяли письма, вы расписались?

— Я никогда не расписываюсь, — сказал Володя. И пояснил: — Мне доверяют...

— Доверяют? — переспросил Ленин. — Так, так. — И, словно стараясь вникнуть в положение дела, все повторял на все лады: — Доверяют... Доверяют, значит... Они вам доверяют, и вы не расписались. Вы им доверяете и не сосчитали, сколько писем взяли. Мне вы тоже доверяете?

— Конечно! — горячо отозвался рассыльный.

— Ну, а ежели я оставлю письма у себя, вы расписку у меня потребуете?

— У вас, товарищ Ленин? — не понял Володя вопроса. — Расписку? — И он робко улыбнулся: «Ленин, конечно, говорит это в шутку».

Поймав выжидательный ленинский взгляд, рассыльный уже смело проговорил:

— У вас, товарищ Ленин, расписку не требуют, вам, товарищ Ленин, все доверяют.

— Доверяют... — печально повторил Ленин. — Все... А доверяет ли нам крестьянин Чекунов? Если так обращаться с ним...

— Я с ним не обращался! — с отчаянием выкрикнул Володя. — Я сейчас побегу, письмо там, оно лежало отдельно. Я сейчас принесу его...

— Сейчас не надо, — остановил рассыльного Ленин. — Сегодня уже поздно. Принесете завтра. А сейчас внесем в наше дело маленький порядок.

И, обратившись к сотруднице, стоявшей рядом, Ленин попросил:

— Мария Игнатьевна, дайте мне, пожалуйста, тетрадь. Да, да, обыкновенную, школьную.

Девушка в пенсне принесла тоненькую тетрадку с девизом на голубой обложке: «Сейте разумное, доброе, вечное!»

Ленин раскрыл тетрадь.

— Страницу надо сначала разграфить, — пояснил он и справился у рассыльного: — А разграфить сами можете? Хорошо. Значит, на три графы. И в каждую вписывать: от кого получено письмо — в первой графе; кому направлено — в середине; а здесь расписывается получатель. То есть я. Но за меня будет расписываться товарищ Гляссер. — Ленин чуть заметно улыбнулся. — Ей я доверяю.

С настороженным недоумением слушал ленинские объяснения рассыльный.

— Вам все понятно? — спросил Ленин. И повторил: — Каждое письмо записывать сюда и приносить вместе с тетрадью. А там, в редакции, надо завести вторую тетрадь, в которой вы будете расписываться.

— Товарищ Ленин, ведь вы против бюрократизма... Зачем же такой бюрократизм! — искренне ужаснулся молодой рассыльный.

— Бюрократизм? Молодой товарищ, а вы понимаете значение той работы, которую вам поручили? А? Ведь эти письма связывают нас с массой российских крестьян...

В остром взгляде Председателя Совнаркома Володя увидел вспышку. Там сверкнули маленькие молнии.

А Председатель Совнаркома увидел в глазах рассыльного слезы. Перед ним был худенький, остролицый паренек в потертой шинели явно с чужого плеча, и в глазах паренька стояли слезы.

— Это не бюрократизм, молодой человек. — Голос Ленина стал мягче. — Это порядок. Отчетность. Такой вот бюрократизм нам даже необходим. Это нужный бюрократизм...

Володя взволнованно теребил в руках тетрадь.

— Что же вы так ее терзаете? — уже совсем добродушно спросил Ленин. — Или тетрадь — это тоже бюрократизм?

Председатель Совнаркома нагнулся над столом сотрудницы, написал несколько слов на страничке блокнота, вырвал ее:

— Товарищ Гляссер, вот записка, чтобы этого молодого товарища накормили обедом. И дайте ему расписку, что вы приняли для меня восемь писем. Укажите фамилии — чьи письма. А расписку эту, — Ленин снова обратился к рассыльному, — вы сдадите в редакцию. Не смущайтесь, такой бюрократизм полезен. Но... только такой!

Председатель Совнаркома ушел к себе.

А Володя бежал из Кремля. Он не стал обедать. Он бежал за пропавшим письмом.

Снова курсанты проверяли пропуск. Снова кланялись до земли наполеоновские пушечки. Снова, как по тревоге, носились над Александровским садом птичьей стаи. Но Володя уже не взлетал вслед за ними к высоким башням. Теперь Троицкий мост шел на спуск. Он падал наклонно от Кремля к Куцафьей башне. И Володе казалось, он тоже падает. Он слышал над собой взмахи птичьих крыл. Это о его позоре кричали черные птицы...

— Володя! — всплеснула руками Ямщикова. — Володя! — кричало сразу много голосов. — Ты же забыл письмо Чекунова!

— Дайте! — прохрипел Володя. — Дайте сумку для этого письма. Я сейчас понесу! .. — Он глотнул воздух и головой мотнул туда, где Кремль.

Ямщикова все поняла и, мигом выбросив на стол ключи, монеты, носовой платочек, вытряхнула все из своей зеленой замшевой сумочки с перламутровой застежкой:

— На!

— Нет! — отверг Володя. — Не такую!

Он оглянулся вокруг, потянул со стола папку, вышвырнул из нее рукописи, вложил чекуновское письмо и устремился к выходу. Но вдруг остановился (что-то вспомнил), вытащил из кармана расписку секретариата Совнаркома и тетрадь

с девизом «Сейте разумное, доброе, вечное!» на голубой обложке.

Володя сел за стол, раскрыл тетрадь и провел на первой странице сверху черту. Затем повернул тетрадь и провел поперек еще две черты. И снова повернул тетрадь. И начал заполнять первую графу.

— Что ты делаешь? Рабочий день кончается. Ты же опоздаешь, — торопили его сотрудники. — Что ты затеял?

Рассыльный посмотрел на них с сожалением и продолжал свое. Он старательно вписывал в тетрадь все, что велел Ленин. Когда он кончил, было поздно идти в Кремль.

— Черт знает что! — возмущались сотрудники. — Из-за писанины какой-то опоздал в Кремль...

— Это не писанина! — вскричал Володя. — Вы еще, может, скажете: «Бюрократизм»! А нам такой вот бюрократизм нужен. Но... только такой!

Наутро он отнес Ленину письмо. Оно было вложено в папку. Там же лежала тетрадь. И рассыльный попросил получателя расписаться в последней графе.

ЖИВАЯ ГАЗЕТА

Марии Ильиничне нездоровилось, и она поехала домой задолго до обеда. Отдала Саше всякие распоряжения, а под конец сказала:

— Поеду отлежусь. Но если что очень-очень, звоните.

Ну, разумеется. Время такое, что каждый час может случиться это «очень-очень» и придется вызывать Марию

Ильиничну. Все дни — с самых октябрьских праздников — в таком напряжении, ожидании, предчувствии и неистовой надежде...

Но еще никто не знает, что именно вот этот день и станет самым изумительным в отсчете дней гражданской войны.

Первая телеграмма пришла в пять часов, и Сашу ударило в самое сердце. Какая толстая, тугая телеграмма! Сколько бланков! И на каждом узкие полоски телеграфных строчек, бумажные ленточки, наклеенные наспех, вкривь и вкось.

Телеграмма оттуда! Она оттуда, куда вот уже сколько дней и ночей глядит революция, народ, вся вздыбленная Октябрем Россия.

Глаза Саши бегут по волнистым строчкам телеграммы. Какие слова! Каждое слово — огонь! Каждое слово — ликование! Каждое слово — боль!

«После страшного небывалого кровопролитного штурма наши войска ворвались в Крым... Считаю долгом солдата и революционера рассказать рабочему и крестьянину об этом деле... Первой бросилась на перекопские позиции стрелковая дивизия Блюхера... Наступила ночь... Небо озарялось вспышками выстрелов и светом прожекторов... Войска залегли... Этот критический момент я и товарищ Фрунзе переживали в штабе дивизии... Пространство, по которому прошли некоторые дивизии, начинало заливаться водой... Положение создавалось отчаянное... Мы приказали наступать и решить дело ночным штурмом... К 9 часам утра бой был окончен... Победа одержана, но обошлась нам очень дорого... Более десяти тысяч верных сынов революции легло за дело Советской власти и всемирной революции... В этом бою гибли лучшие части нашей армии... Порыв оказался сильнее сооружений техники и убийственного огня... Древние греки под Фермопилами, Леонид с тремястами спартанцев лег за Грецию в бою против персов... У Крымских перешейков 10 тысяч русских красноармейцев легло за дело революции в России. Перед останками погибших бойцов стою с обнаженной головой...»

— Ох! — Саша пробовала представить себе командующего, которого помнила в белых бурках и гимнастерке, с его характерным ежиком над ясным лбом, с таким подкупающе умным взглядом, представить там, в крымскую ночь, когда сообщили, что ветер переменялся и гонит гнилые воды Сиваша на наши дивизии... Она пробовала представить себе нескончаемую братскую могилу, в которую зароют десять тысяч защитников революции...

Всхлипнула милолицая сердечная курьерша Ксения. А Саша вскрыла вторую телеграмму:

«Сегодня наши части вступили в Севастополь раздавлена окончательно южнорусская контрреволюция...»

Это сообщает уже сам командующий Фрунзе.

Свершилось! Лицо Саши словно обожжено огнем телеграмм, которые вот уже второй день шлют в «Правду» с далекого Юга командующий и его соратники по жаркому полю брани — члены Военных советов фронта, республики...

На больших стенных часах черные стрелы показывали пять часов и пять минут. Саша сорвала с рычажка трубку, вызвала по «верхнему» кремлевскому Марию Ильиничну. И, как все в этот невероятный час, у телефона — Ленин. Почему?

— Можно Марию Ильиничну?

— Нет, нельзя, — ответил Владимир Ильич. — Сейчас нельзя...

— Позвонить позже? — осторожно справилась Саша. — Очень, очень нужно...

— А что? Случилось что? — спросил Ленин.

— Телеграммы... О Перекопе...

— Да, Крым наш, — как-то вразтяжку произнес Ленин. И вдруг быстро спросил: — А у вас от кого телеграммы?

— А я-то соснула... А потом врач, а тут такое... — Это уже голос Марии Ильиничны, простуженный, хриплый. — Кто там в редакции? Нет еще? Ну, сейчас буду. Еду.

Пока Мария Ильинична ехала из Кремля в редакцию. Саша уже помчалась в дальнюю комнату диктовать машинистке телеграммы воинов революции:

«Леонид с тремястами спартанцев лег за Грецию точка у Крымских перешейков 10 тысяч красноармейцев легло за дело революции...»

Три экземпляра готовы. Марии Ильиничны еще нет. Тихо. И в этой, кажущейся сейчас невероятной, тишине к Саше вдруг приходит удивительно четкое ощущение: все самое грозное, тревожное уже позади.

Позади московское лето с взрывами снарядов на Хорошевских военных складах, с лесными пожарами вокруг города. Как звенели стекла, выбиваемые взрывами! Как зловеще стояло над столицей багровое солнце, застланное дымом пожаров! И как прояснилось оно вдруг, когда пошла Москва встречать Бела Куна. Казалось, неминуемой была смерть руководителя правительства Венгерской Коммуны. Но Бела Кун вырвался из застенков и вернулся живым.

«Блестящей была его звезда, и смерть не могла сломать его крепких костей», — писала «Правда» в день возвращения своего блистательного сотрудника. Вот он снова в редакции, окруженный правдистами, наш Бела, с широким разворотом плеч, с глазами навывкате и уходящим вверх лбом.

Далеко вперед вынося свою трость, покидает он редакцию и идет большим, широким шагом по Тверской. А затем всю осень шли с врангелевского фронта письма и телеграммы корреспондента «Правды», члена Военного совета Южфронта Бела Куна.

Всю осень глядит Россия в крымскую даль глазами военных корреспондентов, комиссаров, одетых в солдатские шинели.

Всю осень собирает Россия теплые вещи и шьет белье защитникам революции. Московский Совет выдал домоуправлениям керосин. Женщины по вечерам в неровном желтом свете керосиновых ламп шьют белье защитникам революции. И Саша вместе со всеми сотрудницами «Правды» спешит после работы на швейную фабрику. Там из грубой кремовой бязи шьют красноармейцам рубахи. Шьют под резвое стрекотание закройных ножниц, под протяжное пение народной демьяновской:

точке усов, поклонился полужемным поклоном: «Привет, бояре!» — и положил на стол листовку. Саша глянула и всплеснула руками: сверху орел. Под ним по-царски: «М а н и ф е с т»! А ниже демьяновские стихи:

Их фанге ан. Я нашаю.
Эс ист для всех советски мест,
Для русский люд из края в краю
Баронский унзер манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Их бин фон Врангель, герр барон. . .

— Здорово изготовили! — восхищались в редакции.

— Семен прислал! — сказал поэт, успевший в это лето познакомиться с Буденным. — «Помогаешь, говорит, Демьян, воевать!»

Так перо поэта «Правды» войны приравняли к штыку.

И вот настал день, и переступила Красная Армия крымский порог. . . Пришел белым конец. А теперь что?

Саша и подумать не успела, а порог «Правды» уже переступила Мария Ильинична и сразу:

— Срочно вызывайте Сергеева!

«Сергеева? Почему Сергеева?» Саша ожидала совсем других распоряжений сегодня, когда пришли такие телеграммы и от таких корреспондентов. При чем тут Сергеев?

«А. Сергеев» — это подпись под «Впечатлениями». Литературный труженик, глазастый, в очках, в бекеше, перешитой из солдатской шинели, горбун в лихо заломленной генеральской папахе. Самая мирная, рабочая, можно сказать, ломовая лошадь в редакции двадцатого года. Это он под видом просителя проник в приемную Калинина, подсмотрел и на себе самом испытал, а затем описал, как всероссийский староста с народом разговаривает.

«Все это хорошо! Но разве такое перо нужно для номера о Перекопе? Тут фанфары нужны!» — сокрушалась Саша, занятая поисками Сергеева.

Уже собрались редакторы, прочитали телеграммы, шумели, обнимались, решали, кому писать передовую, кому —

шапку. А когда чуть успокоились, Мария Ильинична вдруг сказала:

— Ильич советует обязательно дать устный «Гудок».

— Устный? — переспросили редакторы.

— Да! Именно устный. Уж так Ильичу понравилось, что у железнодорожников устроили. Говорит — это лучше всякой прямой агитации...

«Так вот оно что! — поняла Саша. — Вот зачем Сергеев! Он был там. Ильич уже знает про устную газету...»

* *

... Устная газета. Вначале ее называли живой газетой. Возникла она где-то на юго-западе, в красноармейской части летом 1920-го. Там комиссар прочитал вслух военную сводку, потом про международные дела.

А после того, уже осенью, на станции Харцызской, в водовороте людей, ожидающих поезда, разнесся слух, что вечером будет показана «живая газета про Совроссию». Так называли на Юге, где часто менялись власти, молодую Советскую Россию. Казалось тогда — Россия эта далеко, далеко. Газеты оттуда шли до Харцызской целый месяц!

И собралось на станции народу тьма! Даже мужики из деревень понаехали смотреть «живую», узнать про красную Москву.

Началась живая газета. Вышли двое, рассказывают, почему Советская власть лучше всех. Это, говорят, мы вам передовую статью читали. Затем один карту повесил и показывает — как дела на фронте, куда какая армия двигается. Другой вышел — про международное дело поговорил. Потом опять первый — какие новые декреты в Кремле подписали.

Народ слушает, не шелохнется, только сигарки дымят.

Потом эти двое пошли с украинским говорком да юморком рассказывать про дела местные, харцызские. Что тут было! Смех такой, что само небо харцызское аж колыхнулось. Уж солнце село, но никто не спешил домой. Понравилась «живая». Вот так докатилась она от Харцызской до Москвы и объявилась на Александровской дороге.

... Это случилось вчера. Позвонил с утра редактор «Гудка», приятель Марии Ильиничны, пригласил ее на устный номер в железнодорожные мастерские.

— Спасибо, Николай Иванович, — сказала она. — Пришлю сотрудника.

— А мы там Ильича на устной покажем, — посулил Смирнов. И сразу заинтриговал.

— Как это в устной газете Ильича «покажут»? Может, поехать посмотреть, чего там Николай Иванович напридумал?

Поехала Мария Ильинична, а сегодня утром как пришла на работу, так и начала, хоть и простужена, рассказывать и показывать, как было все на устной. Как ребяташки, завидя волшебный фонарь, набежали, не уходят. «Кина ждем!» — кричат. Как набилось народу из всех цехов, и все спрашивают: «Что за устный? Митинг? Лекция? Спектакль?» Все поняли, когда вышел генштабист в островерхой шапке русского витезя с красной звездой на лбу. Начертил на глазах у всех мелом карту на кровельном листе и стал рассказывать, что у Перекопа делается. Рабочие руки загремели, «ура» кричат. Погас потом свет, на экран вышел Ленин и давай спорить с Клемансо. Карикатуры штриховые: кажется, что премьер французский в лохмотьях. А когда артист крымского буржуя представлял, как он «Правду» в Крыму читает, ребятня думала, буржуй настоящий, язык ему показывала. Под конец показали на экране хронику рабочей жизни. Задело за живое. Штампует мастер гайки вручную — 80 штук в день, а на Казанской станок работает за это же время 9 тысяч. А дезертиры труда зажигалками заняты... Потом показали стариков. Героев труда. Задумались все. Лица такие серьезные. Что-то новое показали...

Так рассказывала Мария Ильинична в редакции. Значит, рассказала и дома? Так вот что привлекло внимание Ленина! Снова железнодорожники! Тогда, в девятнадцатом, на Казанской слесарь Буранов — зачинатель коммунистической субботы, теперь на Александровской — производственная пропаганда устного «Гудка». Зоркий взгляд Ильича вбирает все новое, небывалое. И в день, когда бежит из России Врангель, сове-

тует Ленин, пусть «Правда» напишет вот об этой живой газете устного «Гудка».

Но, как назло, Сергеев исчез, сидит себе в каком-нибудь детском очаге, где живут беспризорные...

— Ну, это уже из рук вон! Сергеева не можете найти? — негодует Мария Ильинична. — Так работать невозможно!

Она насупилась. Все пошло кувырком. И так обидно омрачен для Саши день, который никогда уже не повторится и на всю жизнь врежется в сердце.

Наутро Саша снова сидела в редакции, жадно смотрела, как выглядит «Правда» в день победы. Обычно. Как всегда. Сероватая бумага, верстка подряд. А телеграммы, подписанные именами, которые легендой войдут в историю, подверстаны так скромно, почти незаметно, под оперативной сводкой, в рубрике «Оборона Советской России». И только шапка поверх всей первой полосы венчает невероятный день.

В этой шапке — похоронный гимн над павшими там, у крымского порога. В этой шапке — салют, который ни разу не гремел в годы гражданской войны. В этой шапке — фейерверк, который не озарял неба над столицей молодой Республики.

Появилась Мария Ильинична и следом за ней Сергеев. Он еще ничего не подозревает, но, как всегда, в боевой готовности. Бекеша застегнута на все крючки, папаха лихо заломлена. Где пропадал? Колесил за Москвой-матушкой, собирал впечатления деревенские...

— Впечатления? А живая газета — не впечатления разве? Почему же до сих пор не написали? — не выдержала Мария Ильинична.

— А, разговорный «Гудок» на Александровской? Хорошие впечатления, — соглашается Сергеев. — Не успел, Мария Ильинична.

— Но ведь прошло почти два дня!

Она выговаривает «два дня» словно «два года».

У Сергеева на лбу сразу взмокла прядь. Он протирает очки и, высоко подняв плечи, уходит срочно писать «Впечатления».

И, словно не было на свете вчерашнего дня и нет на свете сегодняшнего номера «Правды», в секретариате уже идет

обычная редакционная работа. Готовят завтрашний номер. Почтальоны еще приносят запоздалые телеграммы с Южного фронта.

«Врангеля больше нет... В течение трех дней с 13 и до 15 ноября его царство разлетелось как карточный домик...»

Телеграфные строчки еще рассказывают, как давалась народу победа:

«... Плохо одетые трое суток без сна под открытым небом без топлива не доедая только легкая полевая артиллерия осыпаясь бомбами с аэропланов терпя огромный урон красные части преодолели мосты и проволочные заграждения возведенные французскими инженерами и ворвались в Крым такой героизм в истории редок».

Это уже последняя телеграмма, которую сдадут в набор.

Еще звонят в редакцию, спрашивают: «Кто такой Фрунзе? Кем был до революции?»

«Правда» отвечает: «Фрунзе Михаил командовал прежде Восточным и Туркестанским фронтами. До революции — большевик. В партии — с четвертого года. Военный опыт — с семнадцатого».

И это все!

То, что свершилось там, у крымских твердынь Перекопа, о чем будут писать и читать поколения, рассказано в одном номере «Правды». Некогда! Некогда! Сдают сергеевские «Впечатления». Редактор «Гудка», узнав, как понравилось Ильичу все это, перепечатывает «Впечатления» из «Правды» у себя в газете и выпускает следующий устный номер. В Александровских мастерских славили героев труда, дарили им часы.

Демьян Бедный уже вывел новую строфу:

А в Москве лукаво тоже
Кто-то щурит острый глаз,
Все внимательней и строже
Озираясь на Кавказ...

Все сразу узнают в демьяновской строфе Ильича. Все заговорили о Кавказе — скоро ли? И никто не оглядывался назад.

Так кончился ноябрь и с ним гражданская война на юге.

В декабре в редакции, на диване, рядом с Марией Ильиничной, сидел редкий посетитель. Невысокий, утонченный, с руками аристократа, глазами поэта и лбом мыслителя. Кустились пучки бровей над прозрачными глазами. Пальцы деловито перебирали страницы рукописи. Потом застыли у виска. И тогда у железной «буржуйки» на старом кожаном диване с его откидывающимися валиками, высоченной спинкой и дубовой полочкой начался тот спешащий, отрывочный разговор, который был понятен только им одним... Разговор семейный...

— Зина, я сказал бы...

— Да, и Надя, к сожалению...

— Я как-то сказал Ильичу...

Не петербургская ли заря партии осветила вдруг московскую редакцию? Не оттуда ли пришли эти женские имена? Ведь о Невзоровой, о Крупской, дружных некогда петербургских курсистках, работающих и поныне бок о бок в Наркомпросе, говорят между собой двое в декабрьский день двадцатого года.

— Спасибо, Глеб Максимилианович! — прощалась Мария Ильинична. — Спасибо, что написали для нас... — Она положила на ходу статью в проволочную корзиночку на столе и пошла провожать до дверей.

Кржижановский уходил мелким шагом, надев палку на руку, чуть сощурился на свет прозрачные глаза. Его несоразмерно высокий лоб жил, казалось, своей особой жизнью от остальной части небольшого тонкого лица. Жизнью мыслителя, преобразователя, инженера.

В корреспондентской сети газеты командующего фронтов сменил инженер. На суровых, все еще без рисунков и карикатур, полосах «Правды» было написано: «Мы начинаем Эпоху Великих Работ».

Все смотрели в светящуюся электричеством карту России.

ПОРУЧЕНИЕ ИЛЬИЧА

— Сашенька, не в службу, а в дружбу. Со всех ног, бегом, вот с этим ко мне домой, отдайте Надежде Константиновне, — торопила Мария Ильинична свою помощницу. — Только условие — одна нога тут, другая в Кремле. А то она не дождется и сбежит. С нее станется!

И Мария Ильинична сунула Саше под мышку папку, в которую были уложены материалы.

— Одна нога тут, — пропела Саша, срывая с вешалки жакетку, — другая там! — И Саша скрылась.

— Пропуск! Пропуск! — кричала вслед Мария Ильинична. Но Саша неслась вниз по лестнице, вися на перилах, миная ступени. Больше всего на свете боялась она сейчас опоздать с порученным делом.

А дело, как объяснила второпях Мария Ильинична, было в том, что Крупская прихварывала. Но, несмотря на это, собралась сегодня на работу. Владимир Ильич, наблюдая ее сборы, молча хмурился. А Надежда Константиновна уверяла, что ничего с нею на работе не случится, да и Главполитпросвет недалеко.

Тогда Мария Ильинична, которая в таких случаях становилась весьма находчивой, придумала, как удержать невестку дома. Она упростила ее написать для «Странички женщины-работницы» статью о помощи детям красноармейцев. И обещала сейчас же прислать из редакции письма работниц, крестьянок по этому вопросу. Крупская согласилась. Но, хорошо изучив характер невестки-непоседы, Мария Ильинична опасалась, что та все же не усидит дома. Потому-то и торопила она Сашу.

В квартиру Ленина Саша вошла с черного хода. Парадного она избегала, чтобы не встретить там Ленина.

Дверь открыла домашняя работница.

— Товарищ Вешнева? Вот хорошо, что успели. Надежда Константиновна совсем собрались. Ладно, Мария Ильинична звонили, что вы уж поехали. . .

Саша вошла в кухню. В шерстяном платке, повязанном на груди крест-накрест, у окна, спиной к столу, стояла Крупская и, тщательно дуя на горячее молоко, отпивала его осторожными глотками из кружечки с новым, уже революционным рисунком: кубическая женщина в кумачовой косыночке и вокруг ее головы буквы «Восьмое марта».

— Здравствуйте, Надежда Константиновна! — поздоровалась Саша. — Я принесла от Марии Ильиничны: . .

Но Крупская даже не ответила на приветствие и не обернулась. Только торопливо поставила кружечку на стол, а сама прильнула к оконному стеклу:

— Ох, как будто уезжают! Позовите, скорей зовите его сюда, пусть к нам поднимется. Скажите, на минутку, — торопила она работницу. И пальцем оттирала запотевшее стекло. — Может, уже на фронт? — волновалась она.

Работница посмотрела в окно и заспешила во двор. А Саша, поддавшись общему волнению, тоже подошла к окну.

Внизу, во дворе, у высокого крыльца с рогондой, ведущего в здание ВЦИК, стояла правительственная машина с брезентовым верхом и слюдяными окошками. А с крыльца спускался известный литератор. Его диспуты о культуре всегда собирали огромную аудиторию. Ленин очень ценил его дарование, но, несмотря на это, часто критиковал за отклонения от марксизма. Было это еще до революции, продолжалось и потом, после Октября.

За ним-то и послала сейчас Крупская, которой Ленин дал одно поручение. А поручение было вот какое.

В ту осень белые рвались к Москве. Положение красных войск было критическим. Они непрерывно отступали. Революция была в опасности. И тогда вот литератор предложил чрезвычайную меру для спасения положения.

— Обычные меры тут не помогут, — говорил он. — Чтобы победить, нужны сверхмеры. Поголовная мобилизация всех членов партии. Собрать всех в коммунистические батальоны. Батальоны большевиков со знаменами в руках и пением «Интернационала» пойдут впереди наших войск прямо на пулеметы белых. Они падут, погибнут, но прорвут белый фронт, и в воронку, которую они образуют, ворвутся красноармейцы, увлеченные порывом коммунистов. И белые будут опрокинуты. Так, только так можно спасти положение. Батальоны коммунистов под огонь! И мы победим! Победим силой высшего революционного духа!

— Вряд ли такое предложение разумно, — заметил Ленин. — Но, чтоб поднять дух наших войск, действительно нужны отличные агитаторы. Вот вы и поезжайте. Пошлем вас к нашим войскам.

Дома Ленин рассказал об этом родным и попросил их позаботиться о товарище, уезжающем на фронт, чтобы не заразился сыпным тифом.

Пока работница бегала вниз, Надежда Константиновна достала из шкафа бутылку из-под минеральной воды, наполненную какой-то темной жидкостью.

На пороге квартиры уже появился литератор. Крупская по-детски обрадовалась ему:

— Вот хорошо!

Поздоровавшись правой рукой и держа бутылку в левой, она тотчас принялась исполнять поручение Ленина.

— Пожалуйста, расстегнитесь немного,—попросила Крупская ничего не понимающего товарища. И, заметив его недоумение, пояснила: — Грудь откройте, мне нужно вот этим смазать.

При этом она сделала рукой плавное круговое движение, показывая, как она будет натирать грудь агитатора, отправляющегося на фронт.

Он отпрянул от нее в веселом недоумении.

Несколько конфузясь, она повторила свою просьбу.

— Пожалуйста, прошу, это очень важно, просто необходимо. Ну, только грудь. . .

— Да в чем дело, объясните бога ради! Зачем понадобилась моя грудь?

Очень спокойно и терпеливо, словно непонятливому ученику, Надежда Константиновна рассказала, что эту жидкость изготовил какой-то добрый старичок провизор и прислал в подарок Ленину, чтобы он уберегся от сыпного тифа.

— Вот просил Ильич, чтобы вас перед отправкой на фронт помазать этим. . .

Тут литератор захохотал, замахал руками и поклялся, что он охотней подставит свою грудь под пули белых, чем потерпит, чтобы его смазывали какой-то черной дрянью. . .

— Да что же это такое? Да куда вы убегаете? — воскликнула Крупская. — Мне же Владимир Ильич поручил!

Но тот все отмахивался и не давался в руки.

— Не звать же Ильича на помощь! . . — пробормотала беспомощно Крупская. — Ну что за ребячество?

Тут Саша, ставшая свидетелем разыгрывающихся событий и пораженная, казалось, в самое сердце тем, что поручение Ленина встречает сопротивление, проговорила тихо:

— А мне если бы товарищ Ленин велел даже это выпить, я бы выпила!

— Устами младенцев глаголет истина! — Литератор деланно-торжественно поднял палец вверх, рванул ворот френча вместе с пуговицей и крючком. — Сдаюсь! Мажьте!

Надежда Константиновна озабоченно принялась за дело. Подставила под горлышко бутылки сложенную ладонь, налила немножко темноватой жидкости и стала втирать ее, осторожно водя по груди литератора. Она повторила эту операцию раза четыре, затем попросила:

— А теперь еще голову. Чуть, чуть! Пожалуйста, нагните!

— Ну, голову так голову. Ильич мне не раз головомойки устраивал...

Крупская провела смоченной ладонью по вискам, темени, затылку.

— А теперь надо бы шею, — пробормотала она уже совсем робко. — Шею, и все. Право, все...

— Шею Ильич мне часто мылит. — Литератор повернулся. — Вот, покорно сгибаю выю свою...

— Ну, все! — вздохнула Крупская.

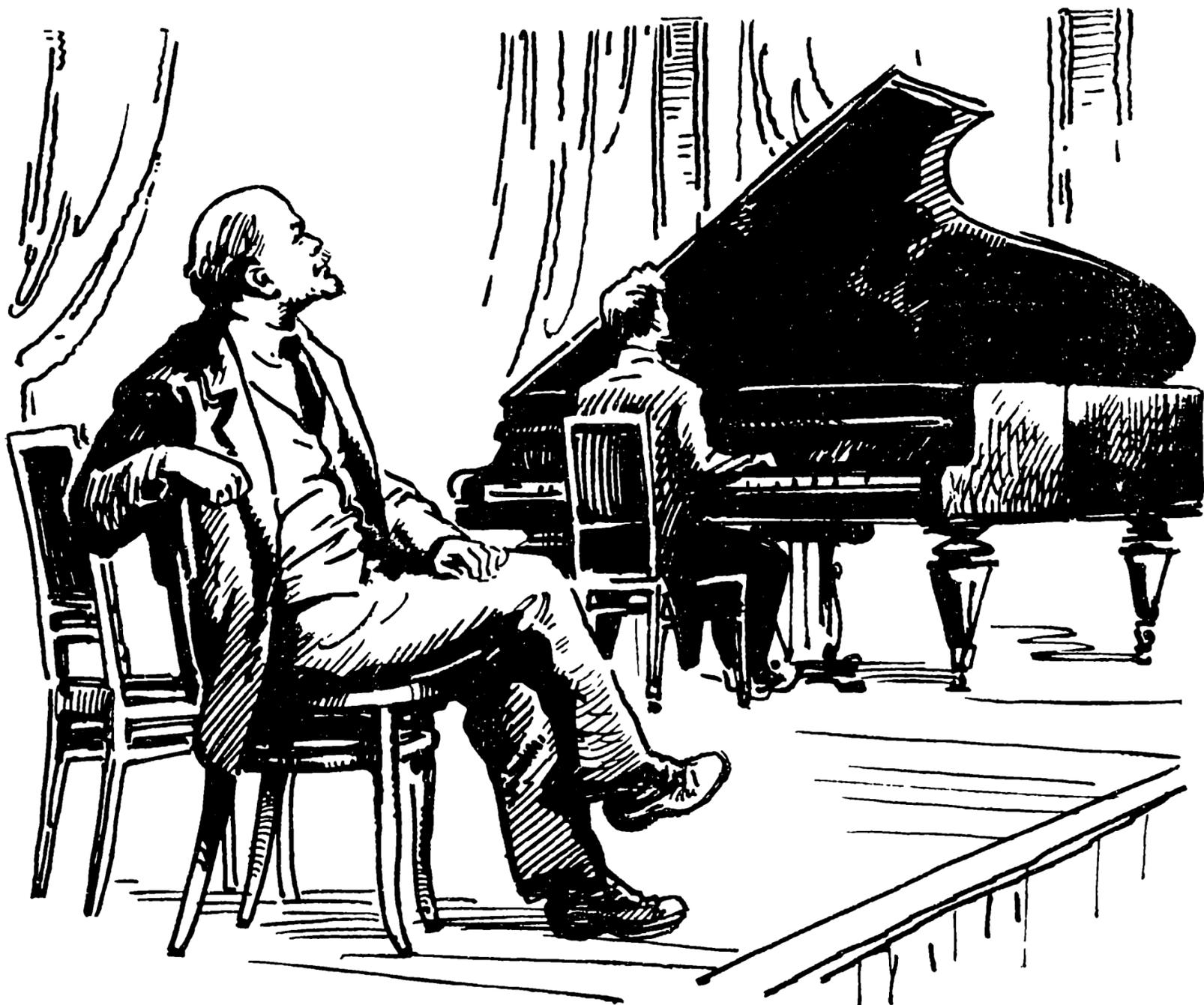
Литератор поспешно застегнулся, пригладил на висках влажные волосы, под которыми уже слегка просвечивали залысинки, и, явно смущенный проделанной над ним процедурой, ушел.

А Надежда Константиновна, проводив его до дверей, высоко подняла руку, поглядела бутылку на свет и обрадовалась:

— Еще осталось немного.

И она осторожно поставила бутылку на место, в шкафчик.

Теперь Саша наконец отдала ей папку с материалами для «Странички женщины-работницы» и, простившись, пошла опять черным ходом. Она миновала площадь Кремля, Троицкие ворота, Кутафью башню и вышла на мокрую, крытую булыжником площадь перед Манежем. Она шла, спеша по осенним улицам Москвы, очень довольная, что не опоздала, выполнила поручение секретаря редакции и заодно была свидетелем, как выполняли поручение Ленина.

ЮБИЛЯР

Наступила третья весна революции. В ту весну Ленину исполнилось пятьдесят лет. Уже два года как он жил в Москве. И московские большевики хотели отпраздновать день его рождения, встретиться с ним в этот день, провести с ним вечер.

Сообщили об этом Ленину. Но юбиляр наотрез отказался от юбилея. Так и ответил, что ни за что не приедет, что юбилей — это глупость и нечего такими глупостями заниматься.

— Володя ни в какую! — сообщила по телефону Мария Ильинична старшей сестре. — Да, Анечка, ни в какую! И слышать о юбилее не хочет! Товарищи пробуют теперь через Надю повлиять — может, ей удастся? . .

— Ну, раз Владимир Ильич «ни в какую», то юбилею не быть! — огорчилась сотрудница «Правды» Саша, слышавшая разговор по телефону двух сестер Ильича.

— Придется нам объявить «Неделю уговаривания Ильича», — шутили в редакции.

— Киш! Киш-киш отсюда! — смешно взмахивала руками Мария Ильинична и, словно кур, гнала шутников.

— Все же Владимир Ильич должен понять товарищей, — сказала Саша. — Жить с Ильичем в одном городе и даже не повидать его в такой день. . . Вы сами как считаете, а, Мария Ильинична?

— Пошла тянуть из меня душу. . .

— Мария Ильинична, ведь я серьезно спрашиваю. Сейчас у всех товарищей такое настроение хорошее. Белых разбили. И как раз Ильичу пятьдесят лет! Как же не отпраздновать? Ведь пятьдесят лет!

— Ну, деточка, я понимаю. Но Ильич совершенно не выносит ничего такого юбилейного, торжественного. Ему это не по душе. — Мария Ильинична поморщилась, пошевелила кончиками пальцев, собранных в щепотку, словно пощупала что-то липкое. — «Смешно, неприятно и просто глупо сидеть и слушать, как тебя расхваливают», — говорит Ильич. Вот товарищам и надо с ним считаться. Ведь Ильич скучать будет. . .

— Разве Владимир Ильич когда-нибудь скучает? — удивилась Саша.

— Вообще-то ему некогда скучать. — Мария Ильинична улыбнулась наивности Сашиного вопроса. — Но всякие пустые разговоры, «о том да о сем», «никчemuшные», как говорит Ильич, он терпеть не может. Владимир Ильич любит слушать, когда ему рассказывают что-то новое, чего он не знает. . .

Отвернувшись к окну, уставившись по привычке в какую-то ей одной видимую точку, Мария Ильинична проговорила глухо:

— Так было всегда. И дома братья не любили болтовни, безделья, бестолочи.

Саша замерла. Уже второй раз Мария Ильинична упоминала при ней о братьях. И каждый раз у Саши обрывалось дыхание. Казалось, нельзя, невозможно говорить об этом. Братья... Александр... Владимир...

А Мария Ильинична уже повернула к Саше лицо, словно вернулась издалека, из своего детства, в котором жила с братьями. Вытянув шею, потерев кончик носа, она прошептала:

— У Ильича даже есть поговорка: «Мне болтать неохота. Лучше я на охоту!» Вот сойдутся иногда в свободный час товарищи, начнется разговор о том о сем, а Ильич берет ружье, возится с затвором и все приговаривает: «Болтать неохота, уж лучше на охоту».

Потом вспомнила:

— А с Горьким Ильич никогда не скучает. Когда он с Алексеем Максимычем, ему времени не жаль.

— Ленин и Горький! Подумать только! — наивно-мечтательно вздохнула Саша. — Боже мой, как бы мне хотелось хоть один раз послушать, о чем они между собой разговаривают. Наверно, все о литературе?

— И о литературе... Но не только...

— Вот бы записать их разговоры. А, Мария Ильинична? Все, все записать!

— Ну, еще чего придумала! — усмехнулась Мария Ильинична. — Мы дома с Надей стараемся оставить их одних, чтобы вволю наговорились. Зачем же мешать? Горький много всякого рассказывает — кто там, за границей, живет, что пишут о нас, чем тут у нас ученые заняты... Он еще только входит в дом, еще пальто не снял, а Ильич уж спешит навстречу, ведет к себе, усаживает и весело так, с подковыркой спрашивает: «Ну, Алексей Максимович, что теперь говорят о нас свергнутые классы?»

— А Горький?

— А Горький усмехается: «Сейчас доложу, Володимир Ильич!»

— Ха-ха-ха! — залилась Саша частым, дробным смехом.

— Ну, пошла смеяться, как на швейной машине стучит! — спохватилась Мария Ильинична. — Заговорила тут меня, тянет душу.

Она отставила пустой стакан из-под чая и стала читать статью, но выражение нежности и любви к тому, о ком она только что рассказывала, не сходило с обычно сухого, всегда несколько настороженного лица младшей сестры Владимира Ильича.

* * *

А спустя три дня, вскрывая почту, Саша обнаружила в большом белом конверте тугую пачку билетов. Московский Комитет партии приглашал на вечер, посвященный пятидесятилетию Владимира Ильича Ленина.

— Мария Ильинична! — вскричала Саша. — Билеты! На юбилей! Значит, состоится! А вы говорили Анне Ильиничне: «Ни в какую!» Ведь вот! Прислали! . .

Но Мария Ильинична почему-то не удивилась, только сочитала билеты — четыре, записала что-то в откидном календаре и отдала Саше один билет — подите!

К четырем часам, как всегда, Мария Ильинична уехала в старом черном, тарантасообразном, с подножкой автомобиле в Кремль обедать. Но, против обыкновения, почему-то на этот раз долго не возвращалась. Сидя в секретариате в полном одиночестве, Саша так и не знала — стоит идти на юбилей или нет? . . Будет там Ленин? . .

Вернулась Мария Ильинична в час, уже близившийся к вечеру. Она увидела растерянно вопрошающие глаза помощницы и, ничего не говоря, стала подталкивать Сашу к выходу. Этот безмолвно обнадеживающий жест означал: «Иди!»

— Уж, наверно, опоздала, — вздохнула Саша.

Но Мария Ильинична только загадочно улыбнулась.

Ничего не спрашивая, уже научившись понимать секретаря «Правды» по одному лишь выражению живых, горячих глаз, Саша рывком сорвала с вешалки пальто и шапочку, помахала на прощанье руками, выскочила из кабинета и с ощущением великого счастья в сердце пронеслась на своих быстрых ногах вниз по лестнице, по узкому, забитому телегами и

грузовиками типографскому двору. В типографию прибыла бумага.

Очутившись за воротами, она побежала по улице, разбрызгивая высокими каблуками весеннюю воду, заливавшую разбитые тротуары узкой, изогнутой Тверской, тесно уставленной невысокими домами.

Оглушительно дребезжали, раскачивались и хлопали на ветру старые, ржавые, покоробившиеся, еще дореволюционные вывески.

Добежав до угловой аптеки, Саша вдруг остановилась. В окнах сверкали, как встарь, два огромных стеклянных шара с яркой, ядовито-яркой жидкостью — оранжевой и зеленой. Словно в причудливых зеркалах, увидела Саша свое странное, расплывшееся отражение и тут лишь вспомнила, что не переоделась. Ведь она идет на ленинский вечер! . . . Но, опасалась Саша, пока добежишь домой, можно опоздать. А вдруг Ленин уже там?

Она решительно запахнула пальто, спрыгнула с тротуара и стала пересекать Советскую площадь.

Прямо перед Сашей, прислонясь спиной к высокому обелиску, стояла посреди площади гранитная женщина в свободной античной тунике со множеством складок и во фригийской шапочке. . . Женщина — образ Революции. Она простирала руку к венецианским окнам Московского Совета, освещенным в этот час изнутри огнями хрустальных люстр. В их свете видны были изящные очертания женской руки с тонкими изгибами каменных пальцев.

Внизу, у цоколя, в трех полукружиях под гранями обелиска, на бронзовых листах были выбиты буквы Советской Конституции. Здесь всегда толпился народ. Здесь повторяли вслух: «Кто не работает, да не ест».

Обелиск открыли ко второй годовщине Октябрьской революции. А вон с того маленького балкона над подножием обелиска выступал однажды Ленин. . .

Уже давно Саша воспринимала здания и улицы Москвы как бы двойным зрением, словно она одновременно видела и то, что было здесь прежде, и то, что находится теперь. В этом городе все менялось на ее глазах. Вот здание генерал-губер-

натора. Теперь оно уже стало историческим — в 1917 году в нем находился штаб восстания. Отсюда большевики руководили октябрьскими боями на улицах Москвы.

Обелиск на Советской площади с величавым образом женщины-Свободы напоминал Саше о конной статуе — царский генерал Скобелев верхом на коне угрожает саблей. Статуя стояла на этом месте, и площадь тогда называлась Скобелевской. После октябрьских боев чугунного генерала свалили вместе с конем. Он долго валялся в соседнем дворе, угрожая саблей, пока его не потащили в печь на переплавку...

Пройдя мимо обелиска, Саша стала поспешно спускаться Столешниковым переулком к арке пожарной каланчи. Сердце ее билось учащенно. Ей все казалось, что она опаздывает, что Ленин уже выступает... Но почему так загадочно улыбнулась Мария Ильинична? Тут что-то кроется...

За поворотом, на Большой Дмитровке она достигла, наконец, роскошного особняка с узорной чугунной оградой. Это было новое помещение Московского Комитета партии. Прежнее здание в Леонтьевском переулке взорвано — враги бросили туда адскую машину. Тогда погиб мужественный секретарь Московского Комитета товарищ Загорский, который пытался выбросить бомбу в окно. Взрывом убило и ранило много товарищей...

Теперь в новое помещение пришли большевики Москвы, чтобы в этот весенний вечер встретиться с Лениным, поздравить его. Зал Московского Комитета, узкий, длинный, был уже полон. Но народ все прибывал.

Саша присела на краешек приставного стула, который уступил ей товарищ Матвей, рабочий-швейник из городского комитета партии.

— Садись, садись! — уговаривал он, повернув к ней свое квадратное, словно из камня вытесанное лицо с глубокими впадинами щек и большими тяжелыми глазами. — Садись, больше мест нет!

Саша, смущенная и одновременно счастливая оттого, что очутилась так близко от трибуны, кивнула благодарно головой. Опершись о стену, она внимательно наблюдала за тем, что происходит.

Ленина не видно было ни у трибуны, ни в креслах. Уже объявили вечер открытым. Уже ораторы произносили речи. Но того, о ком они говорили, ради которого все собрались сегодня, не было.

«Что же это Мария Ильинична? — расстроилась Саша. — Неужели подшутила надо мной?»

На сцену вышел Горький. Длинная, худощавая фигура писателя горбилась, ежилась, словно ему было зябко. Голова, совершенно стриженная под машинку, наклонена вниз, в сторону. Топорщатся моржовые усы, медлителен взгляд синих глаз. По-прежнему глядя не в зал, а куда-то в сторону, вниз, где кусочек паркета свободен от кресел, от людей, Максим Горький говорил, выкидывая вперед крепкие, костистые руки с длинными вытянутыми прямыми пальцами.

— Есть люди, о которых говорить трудно, значение их как-то не охватишь одним словом. Они, как бы это сказать, играют гигантским таким рычагом, поворачивают историю. В свою сторону.

Писатель обернулся и поглядел через плечо назад, словно опасался, не появился ли там, в президиуме, тот, о ком он говорит и который в свою сторону поворачивает историю.

— Я, как это принято говорить, художник слова, сознаюсь, не найду слов изобразить его фигуру, — продолжал Горький медленно, словно ища и с трудом находя нужные слова. — Ленин — это что-то такое вот огромное, земное. . .

При этом руки Горького, сильно развитые рабочие руки с вытянутыми пальцами, двигались по кругу, как бы пытаясь охватить что-то огромное, земное, коренастое. . .

Вдруг он поднял стремительно голову, обратил прямо к залу просветлевшее лицо и стал припоминать:

— В Лондоне, когда съезд партии был, приехал Ленин в номер ко мне, простыни щупал — не сырые ли? Город Лондон туманный. Так вот беспокоился, чтобы не расхворался я. Вот какого Ленина я знаю! Совершенно неожиданного!

Зал изумленно слушал писателя.

— А когда Владимир Ленин был у меня на Капри, — все дальше уходил Максим Горький в свои воспоминания, — то рыбу удил с пальца, и так, бывало, хохочет, как только он

один и умеет! Ну, и когда в «тетку» играл— это в карты, — хохотал. . .

И зал тоже захохотал.

Затем Горький подался вперед всей своей длинной фигурой и, вытянув остриженную голову, сидевшую на очень худой шее, выговорил почти таинственно:

— Владимир Ленин, знаете, занят теперь планетарной работой, и мне, уверяю вас, того, жутковато с ним рядом.

А Ленина не было. Председатель Совнаркома сидел в это время в своем кабинете в Кремле и не слышал горьковских слов о Ленине, простом, милом, душевном, смеющемся великолепным смехом русском человеке, который так велик умом, планетарными делами, что даже Горькому и то жутковато с ним рядом. . .

После Горького выступили поэты.

Потомки не забудут звон
Стального имени наркома. . . —

читал молодой Александровский.

Вслед за поэтами вышел на трибуну известный большевик Ольминский.

Саша хорошо знала Михаила Степановича — он водил ее в кремлевские терема, показывал ей Оружейную палату, рассказывал историю большевистской партии, которую еще никто тогда не написал.

Розовое, нежное лицо Ольминского с правдивыми голубыми глазами, излучавшими ясность и тихий свет, было как бы в серебряной рамке совершенно седых волос и бороды. Это лицо революционера пленяло всех и навсегда.

Ольминский обратился с приветствием к женщине, которая сидела в этот вечер в зале всех незаметней, всех скромней. То была верная спутница ленинской жизни — Надежда Константиновна Крупская.

Нарядная, против обыкновения, причесанная ради такого события очень старательно, так что ни одна прядь не выбивалась, Надежда Константиновна прятала застенчиво свое лицо, когда весь зал обратился к ней. Смущенная овациями, она недовольно, сконфуженно бормотала сквозь счастливую улыбку,

плывшую по ее милому лицу с такими добрыми, мягкими припухлостями вокруг выпуклых зеленоватых глаз:

— Ну, уж я-то тут при чем? Уж меня-то хоть не трогайте! Ну, к чему это? Прошу! Ну, не надо! . .

Затем огласили телеграмму: «Реввоенсовет Туркестанского фронта посылает в распоряжение Ленина по случаю дня его рождения двадцать вагонов хлеба».

Тут же сообщили распоряжение Ленина: хлеб распределить между детьми Петрограда, Москвы и Иваново-Вознесенска.

А самого Ленина все не было. . .

Объявили перерыв. Всех пригласили в буфет. Там на длинных плоских блюдах возвышались чудесной горкой свежие бутерброды с настоящим кавказским сыром, украинским салом, астраханским белорыбьим балыком. Это фронты-победители прислали пролетарской столице. В толстых, грубо граненных, зеленоватых стаканах дымился настоящий чай. Пили его с ядовито-яркими прозрачными леденцами.

— Пьем чай с удовольствием и леденцами, — повторяли все ходячую шутку.

— А мы чего это в сторонке стоим, ничего не едим? — удивился рабочий Матвей и показал Саше на свой внушительный бутерброд с влажным салом. — Бери и ты. Москва ради такого хорошего случая угощает товарищей.

— Не только Москва. И Кремль кое-что сюда подкинул, — говорил, сияя круглым лицом, добродушный рыжий, светлоглазый грузин-великан, секретарь ВЦИК Абель Енукидзе, которого звали «Добрейший». Он ведал всем хозяйством Кремля.

— Оставьте этот спор славян между собою! — раздалось рядом, и Саша увидела Ломова.

Высокий, изящный, тонкий, с ежиком волос над нежным лбом, с ямочкой на подбородке, с милым, очень интеллигентным лицом и чуть насмешливым взглядом блестящих глаз, Ломов был душой Октябрьского восстания в Москве. Его настоящее имя было Георгий Ипполитович Оппоков, но, как большинство революционеров, он сохранил и после революции свой подпольный псевдоним. И, как водилось между револю-

ционерами, он и в этот торжественный вечер был в своем обычном костюме — в длинных черных брюках и вышитой крестом сорочке, подпоясанный ярко-синим крученым шнурком с шелковыми кистями.

Оглядев Сашу своим насмешливым взглядом, Георгий Ипполитович добродушно пробурчал:

— А Саша слушает и не ест. Не то что кот Васька. Оттого так худа.

Он переломил надвое свой ломоть хлеба и кусок сунул Саше прямо в рот.

Тут подошел еще один москвич, огромный, грузный Обух, лицом схожий с Мусоргским — такие же навывкате стремительные глаза и курчавая, лопатой борода.

Врач-большевик, личный друг Владимира Ильича, Владимир Александрович провел у постели Ленина первую после ранения, самую страшную ночь на 31 августа 1918 года, когда Ленин боролся со смертью. (Его именем была потом названа улица в Москве и научный институт.)

В этот апрельский вечер рождения Ленина Обух был, как всегда, остроумен, общителен и оглушительно хохотал. Раздвинув широким жестом заросли своей темной бородки, он отправил в рот кусочек сухого овечьего сыру, пососал золотистый леденец, отпил глоток чая из грубого стакана и, подняв его, как драгоценную винную чашу, продекламировал из «Евгения Онегина»:

И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым. . .

Все хохотали, а пуще всех заливался в могучем смехе Обух.

* * *

— А Ильич все еще упрямится! — рассказывали товарищи, слушавшие переговоры с Лениным по телефону. — Условились, уговорили его, что приедет он только к концерту, послушать любимую музыку. Вот ему звонят — ораторы уже кончили говорить, приезжайте, Владимир Ильич, а он все не

едет. Нам старик не верит. . . Сейчас Надежда Константиновна ему звонит. . . Ну, ей Ильич поверит. . .

Перерыв все затягивался. Вдруг все зашумели, заволновались, затолкались на одном месте. Потом, словно вихрь смел людей, сразу опустел буфет. В зале, сдвигая и вновь раздвигая кресла, расстраивая и вновь восстанавливая их строй, спешно, кое-как, где попало, рассаживались товарищи. Неистово хлопали сиденья. Все суетились, ужасно волновались. Саша очутилась теперь далеко от трибуны, в самом конце зала. Вскочив на стул, она увидела, как в дверях замерла вдруг толпа, стоит на месте и никуда не двигается.

На трибуне появился Ленин.

— Приехал! Приехал! — ликовал зал.

Когда затем наступила тишина, Саше казалось, что она слышит стук своего сердца и сердец всех, кто рядом с нею.

В глубь зала донесся голос Ленина. Он благодарил за приветствия, которые получил в этот день. Ленин благодарил также товарищей за то, что они избавили его от обязанности «слушать такую скучную вещь, как юбилейные речи».

Эти слова потонули в смехе, криках, аплодисментах. Ленин тут же рассек воздух рукой, чтобы прекратить аплодисменты. Но это лишь усилило их. Ленин опять махнул рукой — прекратите! В зале захлопали еще сильнее. Ленин, не обращая больше внимания на аплодисменты, продолжал говорить. Но товарищи продолжали свое — стояли всем залом и рукоплескали.

Началось единоборство — кто кого. Ни одна сторона не уступала. Ленин говорил, а зал шумел — все хлопали, кричали, смеялись. Тогда Ленин подступил вдруг к самому краю трибуны и вскинул над головой какой-то рисунок. Все сразу умолкли, и Саше стал слышен голос Ильича.

— Вот одна из карикатур, нарисованная художником и посвященная подобному юбилею! — прокричал он. — Я получил ее сегодня. . . — И Ленин оглядел товарищей с лукаво-победным видом. Победил он!

Больше никто не аплодировал, все слушали и смотрели. А Ленин бегал по сцене и все выше поднимал рисунок, который подарила ему сегодня Стасова. . .

— Я передаю эту карикатуру на рассмотрение всем, с тем чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств! — Ленин отдал рисунок Луначарскому.

Народный комиссар просвещения схватил рисунок, опять загремели рукоплескания, и так сильно, что казалось, хлынул внезапно ливень и шумит, ударяя листву.

— Такого еще не было! Такого юбилея еще не было! — кричали товарищи и хохотали.

Ленин бегал по сцене, зацепившись пальцами за проймы жилета, и высмеивал, вышучивал страсть ко всяким юбилеям, журил товарищей, занимающихся «такой глупостью». Вдруг он заговорил о зазнайстве. Ильич предупреждал партийцев, чтобы не зазнавались.

— Человек, который зазнался, попадает в положение глупое, позорное, смешное. . . — сказал Ильич.

— Вот так юбилейная речь! Прочесал нам Ленин мозги! Всем, всем прочесал!

Товарищи качали головой, смеялись, вскакивали с мест, хлопали. Это продолжалось долго, казалось, этому не будет конца. Казалось, в том и радость, чтобы вот так, стоя, смотреть на Ленина в этот неповторимый вечер его пятьдесят первой весны, когда он так отечески журит и вышучивает, и предупреждает своих товарищей, и вместе с ними острит и смеется, и весел.

Затем начался концерт. На эстраду вышли музыканты. Маленький толстый скрипач задел на ходу Ленина смычком. Ленин мило извинился и уступил скрипачу дорогу. Трио приготовилось играть. Ленин сел влево от музыкантов, вполоборота к залу, рядом с любимым пианистом Добровейном. Он сложил на груди руки, откинулся на спинку стула и, чуть наклоняясь к печально вдохновенному лицу Добровейна, слушал музыку Чайковского. Временами Ленин ронял неслышное слово, пианист отвечал ему, и Ленин снова сидел неподвижно, покоя руки на груди. Глаза Ленина были задумчивы и сосредоточены, словно он обдумывал важную мысль.

Потом они стали напряженными. Казалось, Ленин вслушивается во что-то, пытается разобрать невнятное, расслышать неслышимое в разговоре смычков и клавишей.

Вот Ленин разнял руки, словно уронил их. Лицо его успокоилось, черты теряли твердость, смягчались, расслаблялись, и казалось Саше, легкое дуновение чего-то беспредельно нежного ласкает его лицо, глаза. Звуки ли Чайковского? Свое ли воспоминание?

Ленин все больше откидывал голову назад. Одна рука уже повисла вдоль спинки стула. Губы чуть шевелились. . .

Так слушал Ленин сначала трио, затем квартет скрипок Страдивариуса. Так, вероятно, слушал он музыку всегда, везде — в детстве, дома, когда играла мать; в Казани и Петербурге, когда ходил с сестрой Ольгой в оперу; на чужбине, в эмиграции, когда на рояле играли товарищи по партии — Инесса Арманд, Лидия Фотиева; на Капри у Горького, где пели итальянские рыбаки; в Париже — на концертах народных певцов. . .

Отзвучали скрипки Страдивариуса. К роялю пошел Добровейн. Под белыми, вдруг взмывавшими, как птицы в полете, руками пианиста зазвучал Бетховен. А из узкого, длинного зала товарищи смотрели, как слушает Патетическую сонату Ленин.

Так в третью весну революции отмечали в Москве пятьдесят лет ленинской жизни.

— Возможно ли все это? Неужели я здесь сегодня и все это вижу? — изумлялась Саша и бежала вместе с товарищами к выходу провожать Ленина.

Уже садясь в машину, он все повторял:

— Спасибо, товарищи! Спасибо. Прекрасная музыка! Не знаю, как речи, не слышал, слава богу. Но музыка была прелестна. А лучше всех Добровейн. Прелестнейшей! Отличнейшей! Чудеснейшей!

Апрель был на исходе.

Машина миновала чугунные ворота, повернула по Дмитровке и направилась в Кремль.

А в мае республика вновь отбивала очередной поход Антанты.

НА ВСЕХ ПАРУСАХ

Было за полдень. Около часу. Саша, одетая еще по-зимнему, вышла из широких ворот, скрывавших Офицерский корпус, на Коммунистическую улицу Московского Кремля.

Небольшая улочка с булыжной мостовой, обочинами и приподнятыми тротуарами начиналась у Троицкой башни и обрывалась под аркадой, соединяющей Оружейную палату с

Большим дворцом. Улочка эта вобрала в себя почти все основное население Кремля. Именно здесь, в длинном Кавалерском корпусе, в игрушечно-пестром Потешном дворце, в маленьких флигелях и Фрейлинском коридоре, да еще в Офицерском и Синодальном жили члены и сотрудники Советского правительства.

Только квартира Ленина находилась отдельно.

Вот за полдень, когда улица пустынна — все на работе, — Саша ступила из широких каменных ворот на узкий тротуар. И сразу увидела — прямо на нее идет человек. Нет, не идет, несется! Пальто его нараспашку, полы разлетелись, ветер надувает каждую полу, как парус. И кажется — человек несется на всех парусах.

Это Ленин!

В руках у него большой белый лист бумаги. Он держит его обеими руками, прямо перед собой и на ходу читает. Лицо у него широкое, ликующее и лукавое.

Вот так, читая и ликуя, мчался по тихой пустынной улице Ленин.

Он шел, ничего вокруг не замечая. Шел прямо на Сашу. Вот-вот налетит, сшибет, сметет! Расстояние между ними катастрофически убывало. Оно совсем уже сжалось, оно почти сомкнулось перед крыльцом кремлевской комендатуры. Здесь ступени крыльца выпирают на тротуар. Саше некуда податься. И Саша сбежала на мостовую, уступив Ленину дорогу.

Ленин повернул на миг голову.

Приметил ее? Или боковым зрением уловил, как что-то метнулось в сторону? Или подол ее меховой кухлянки, расшитый ярким чукотским орнаментом, мелькнул у краешка его глаза?

— Здравствуйте! — успела выдохнуть Саша.

— Здравствуйте! — едва кивнул Ленин и промчался мимо Саши, словно ее здесь и не было.

Он промчался, а Саша остановилась, как будто вросла валенками в этот кремлевский булыжник, и смотрела Ленину вслед.

Куда он? К кому? Поднимется в Кавалерский? Или пересечет улицу и войдет в Потешный?

Было хорошо известно, кто где живет. По утрам члены правительства спешили из своих квартир в Наркоматы, Комитеты, Советы. По вечерам, в освещенных, еще не завешенных, по-петербургски высоких окнах мелькали силуэты — шевелюры, бородки, пенсне...

Их так легко различали. Силуэты великой революции. Профили неистовых ораторов...

К кому из них спешит Ленин?

Саша все стояла и смотрела. Ленин пронесся вперед и под аркой скрылся из глаз.

«В Белый коридор!» — решила Саша, поднялась на тротуар и пошла своей дорогой.

Все еще пораженная этой невозможной, казалось ей, встречей, Саша вновь и вновь видела перед собой все, что только что произошло вот тут, у крутых ступеней комендантского крыльца, и затем исчезло там, в пролете белой аркады.

У Троицкой башни Саша вдруг обернулась и снова посмотрела. Но уже не Ленину вслед, не туда, куда он ушел, а туда, откуда он пришел.

Прямо перед нею, за срезанной ромбом высокой стеной, была школа кремлевских курсантов с высокими лафетами наполеоновских пушек у крыльца. Саша сразу представила себе, как вышел из дому Ленин, спустился с чугунного крыльца под навесом на витых столбиках, пересек по косо́й Арсенальную, прошел мимо наполеоновских пушек с их огромными колесами, свернул налево. И там сразу открылась перед ним Коммунистическая улица.

Ленин, вероятно, охватил ее взглядом сразу всю целиком — недлинную улочку с длинным корпусом кавалергардов, веселой стеной Потешного и высокими пролетами белой аркады в конце. И, вероятно, сразу, вместе с корпусами, избрал эту пустынную, безлюдность, тишину рабочего полуденного часа.

Поняв, что сейчас он на этой улочке один, что его никто не видит, расстегнул, наверно, пальто, достал из внутреннего кармана бумагу, расправил ее и стал читать на ходу, все ускоряя шаг, пока не помчал — читая бумагу и ничего вокруг не замечая.

Тогда-то, вынырнув из ворот, Саша неожиданно и увидела Ленина таким вот — несущимся на всех парусах, пальто нараспашку и глаза нараспашку.

Придя в «Правду», Саша сказала:

— Мария Ильинична, что сейчас было! . .

И рассказала, как держали ленинские руки лист бумаги, и как ликовало его лицо, и как странно ступал он — с каблука на носок, словно переваливал с волны на волну.

— Да-а-а, — протяжно сказала сестра Ленина и отвернулась, словно задумалась или припоминала что-то. Затем принялась за работу.

И больше об этом не было разговору.

А Саша решила, что она видела Ленина таким, каким его, быть может, никто не видел. Таким он, вероятно, бывает только наедине сам с собой, в комнате или в лесу. . . Таким его можно увидеть лишь случайно, нечаянно.

* *

У каждого, кто видел Ленина, запечатлелся в душе свой Ленин. И у Саши вот с того полуденного часа врезался в сердце свой Ленин! Несущийся на всех парусах, с волны на волну. . .

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Софье Семеновне Виноградской посчастливилось в ранней юности быть свидетелем замечательных свершений первых лет революции, видеть и слышать ее выдающихся деятелей.

Обо всем, что запечатлелось в ее памяти, рассказывает она в своей книге от имени девушки-подростка Саши Вешневой, подразумевая себя под этим вымышленным образом.

В одном из писем к С. С. Виноградской писатель Константин Александрович Федин, высоко оценивая ее рассказы, отмечал, что она вполне бы могла вести повествование от своего имени, поскольку сама была участницей многих событий.

Софья Семеновна очень гордилась этим отзывом, но переписывать рассказы от первого лица не стала, поскольку они уже успели полюбить юным читателям, полюбились им и Саша Вешнева.

Не раз Софью Семеновну спрашивали, как случилось, что она, совсем еще юная девушка, приобщилась к революции, оказалась в центре грандиозных событий?

Вот об этом я и хочу рассказать вам.

Софья Виноградская едва успела оставить парту последнего класса женской гимназии в Харькове, как на Украину нагрянули белые.

Старший наш брат, коммунист, студент медицинского института, был по доносу схвачен деникинской контрразведкой и зверски замучен. Сестре Соне удалось бежать. Ее приютили красноармейцы — посадили в теплушку воинского эшелона, последним эвакуировавшегося с Украины.

В пути они делились с голодной девочкой хлебным пайком, поили чаем из консервной банки.

Две недели тряслась она в теплушке эшелона, который тащили больные паровозы по рельсам, израненным гражданской войной.

С юга к Москве подступали деникинцы. В Москве шла мобилизация коммунистов на фронт.

Поздним летним вечером я возвращалась домой, бережно неся мандат, подписанный секретарем ЦК партии Еленой Дмитриевной Стасовой, о мобилизации меня на Южный фронт вместе с некоторыми членами Моссовета. Я шла погруженная в свои думы: завтра выезжать, а до отъезда надо еще успеть сдать дела (я была тогда секретарем большевистской фракции Моссовета и секретарем Президиума). Шла по длинному коридору и вдруг заметила в углу тоненькую, худенькую, на длинных ногах девочку. Она была вся белая от пыли, босая, со взъерошенными волосами, а лицо бледное-бледное. . .

Это и была моя сестренка Соня.

Первым побуждением, прежде чем начать ее расспрашивать, было накормить ее, голодную, уставшую. Но дома у меня абсолютно ничего не было. Единственное, что я могла, — это нагреть воду, напоить ее кипятком, вымыть, ну а затем обкорнать ее спутавшиеся волосы.

Измученная, она свалилась на диван и моментально уснула. Я же до утра не могла уснуть от щемящей тревоги: что делать с сестренкой?

Но известно — утро вечера мудренее. На следующий день я взяла сестру за руку и повела в редакцию газеты «Правда». Там поведала я Марии Ильиничне Ульяновой мою «сложную ситуацию». Один из редакторов, который любил шутить, обратился к сестренке с вопросом: «Девочка, кто это тебя так оболванил?» А Соня робко ответила: «Это моя старшая сестра меня так постригла».

Тут Мария Ильинична погладила ее ласково по голове и сказала, обращаясь ко мне: «Поезжайте спокойно на фронт. Мы ее никому в обиду не дадим».

С этого дня Соня стала работать в «Правде». Мария Ильинична была для нее точно мать родная. И другие мои товарищи по партии и работе приняли участие в судьбе сестры и заботились о ней до моего возвращения с фронта. Так росла, работала, училась и мужала Софья Виноградская в среде прекрасных товарищей, в замечательном коллективе «Правды». Под руководством М. И. Ульяновой она прошла велико-

лепную школу журналиста. В годы первых пятилеток Софья Семеновна выезжала с писательскими бригадами на новостройки нашей страны.

Ее интересные очерки о Днепрогэсе, о метростроевцах и многие другие печатались в журналах «Октябрь», «Наши достижения» и в газетах «Комсомольская правда» и др.

О строительстве и озеленении пустыни Каракумы она написала книгу «Белый город».

Тяжелый недуг преждевременно оборвал ее жизнь. Она скончалась в ночь с 9 на 10 августа 1964 года.

Настоящее издание «Искорки», значительно дополненное, было подготовлено Софьей Семеновной Виноградской незадолго до ее кончины.

Полина Виноградская

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мой дорогой читатель!</i>	5
Комплект «Правды»	7
Пациент	23
Концерт Шаляпина	26
Искорка	38
Начало библиотеки	41
Слава	52
В детских ботинках	74
Рассыльный «Бедноты»	80
Живая газета	91
Поручение Ильича	102
Юбиляр	107
На всех парусах	121
П. Виноградская. <i>Об авторе этой книги</i>	125

Для восьмилетней школы

Виноградская Софья Семеновна

ИСКОРКА

Рассказы о В. И. Ленине

Ответственный редактор *Г. А. Дубровская*. Художественный редактор *И. Г. Найденова*. Технический редактор *В. К. Егорова*. Корректоры *Г. С. Муковозова* и *М. Б. Шварц*. Сдано в набор 4/1 1971 г. Подписано к печати 5/V 1971 г. Формат 70 × 90^{1/16}. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9,36. (Уч.-изд. л. 6,69). Тираж 100 000 экз. ТП 1971 № 452. Цена 61 коп. на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 2.

61 коп